

A romantic couple in a dark setting. The man, with dark hair and a beard, is wearing a black shirt and has his arms around the woman. The woman, with blonde hair in a bun, is wearing a black backless dress. They are looking at each other closely. In the background, there is a window showing a city skyline at night.

DARK

Romance

ДЖОН ЗАПРЕТНЫЙ

18+

Джон Запретный

Dark Romance

«Автор»

2026

Запретный Д.

Dark Romance / Д. Запретный — «Автор», 2026

«Пошла отсюда», — сказал он мне, когда я застала его с другой. Но когда я попыталась жить дальше, он начал преследовать меня. Теперь он стоит под окнами, следит за каждым шагом и ломает пальцы тем, кто ко мне приближается. Он говорит, что любит. Но в его глазах — только голод... Книга, от которой стынет кровь и учащается пульс. История о том, что бывает, когда тот, кого ты любила, становится твоим личным кошмаром.*Данное произведение предназначено для аудитории 18+.*В тексте присутствуют: откровенные сцены, эмоциональное насилие, сталкерское поведение, одержимость, сцены жестокости и токсичные отношения. Герой является морально-серым антигероем, его поступки не являются примером для подражания. Читать только в том случае, если вы морально готовы к истории, балансирующей на грани любви и безумия.

© Запретный Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Трещина	5
Пыль и пепел	12
Между мирами	28
Сообщение	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джон Запретный

Dark Romance

Трещина

Анна никогда не любила звук собственных каблуков. Ей казалось, что они звучат слишком громко, слишком навязчиво, как объявление войны тихому осеннему воздуху. Сегодня она надела узкие ботильоны из черной замши на тонкой шпильке — подарок Марка на прошлое Рождество. Шпилька впивалась в мокрый гравий подъездной дорожки, оставляя после себя крошечные кратеры. Дом Карины светился впереди огромным желтым пятном, вырывая из темноты пригорода силуэты голых деревьев и дорогих внедорожников.

Стеклопакеты не могли сдержать тяжелый, вязкий бас, который просачивался сквозь стены и вибрировал где-то под ложечкой. Анна замерла на секунду у массивной кованной калитки, поправляя воротник тренча. Она не была создана для вечеринок. Её тело, несмотря на молодость, всегда выбирало позу эмбриона в углу дивана с томиком Бодлера, а не судорожные танцы под неоновой вспышкой стробоскопа. Но Карина настаивала. «Ты превращаешься в старуху, Анна. Приезжай. Марк уже здесь, он тебя потерял».

Марк. Её Марк. Высокий, с вечно растрепанными русыми волосами, пахнувший сандалом и сигаретным дымом. Два года она пыталась стать для него идеальной. Она научилась не морщиться от запаха его вейпа, научилась смеяться над его плоскими шутками и даже перестала плакать, когда он в очередной раз «забывал» позвонить. Анна поправила прядь волос цвета горького шоколада, которая вечно выбивалась из низкого пучка. В отражении тонированного стекла припаркованной Audi она увидела себя: слишком бледная кожа в обрамлении черной водолазки, огромные серые глаза, в которых плескалась вселенская, почти патологическая усталость, и тонкие, резко очерченные скулы, которые Марк называл «аристократичной дистрофией».

Она вошла в дом.

Внутри воздух был спертым и липким. Он состоял из смеси сладких духов «La Vie Est Belle», дешевого виски из пластиковых стаканов и влажного тепла разгоряченных тел. В гостиной кто-то выкрутил свет на минимум, оставив только фиолетовую диодную ленту под потолком и мерцание огромного телевизора, показывающего без звука какой-то психоделический клип. Анна протискивалась сквозь толпу полужнакомых людей. Её плечо задело чью-то липкую от шампанского руку, кто-то наступил ей на ногу.

Она искала его. Вытягивала шею, вглядывалась в лица, искаженные пьяным весельем. Марка не было ни у импровизированного бара на кухне, заставленного грязными бокалами, ни в креслах, где парочки уже начали сбиваться в ленивые, слюнявые объятия.

— Анют! — Карина выплыла из коридора, как экзотическая рыба в ярко-розовом мини. Её зрачки были размером с блюдца, явно не от выпитого алкоголя. — Ты пришла! Марк тут психанул, сказал, ты трубки не берешь, пошел умыться, кажется. Ты чего такая серая? Пей! Догоняй!

Карина сунула ей в руку теплый стакан с чем-то, пахнущим ацетоном. Анна машинально взяла его, чувствуя, как внутри закипает привычное чувство вины. Опять она заставила Марка ждать, опять он злится. Надо найти его, прижаться к его широкой спине, прошептать «прости» и почувствовать тяжелую ладонь на своем затылке. Только в моменты его снисходительной нежности Анна ощущала себя живой. Это была болезненная, уродливая правда её существования.

Она пошла по длинному коридору второго этажа, подальше от грохота музыки. Здесь свет был ярче, и гул толпы превратился в далекий, нутряной гул. Пол был устлан бежевым ковролином, глушившим шаги. Дверь в ванную в конце коридора была приоткрыта, и оттуда лилась тонкая полоска желтого света. Именно там Анна впервые замедлила шаг.

Сначала ей показалось, что кто-то плачет. Или смеется? Звук был странный — ритмичное, влажное шлепанье, прерываемое низким, грудным стоном. Анна инстинктивно прижалась к стене, покрытой дорогими флизелиновыми обоями с тиснением под шелк. Сердце пропустило удар. Её воспитание кричало: отойди, не мешай, неудобно, кто-то уединился. Она уже сделала шаг назад, собираясь уйти вниз и ждать Марка там, как любой нормальный человек.

Но потом воздух разрезал голос.

— Ты офигенная детка.

Это был не просто стон. Это была интонация. Та самая хрипотца, с которой Марк просил её по утрам сделать кофе. Та самая ленивая растяжка гласных, которую она ненавидела и обожала одновременно. Его голос.

Мир вокруг Анны схлопнулся до размеров этой щели в двери. Музыка внизу исчезла, голоса стихли, остался только оглушительный стук её собственного пульса в висках. Ладонь, сжимавшая пластиковый стакан, дернулась, и теплое пойло выплеснулось на пальцы. Анна не чувствовала влаги. Она шагнула вперед, как сомнамбула, толкнув дверь носком ботильона.

Картина, открывшаяся её взору, навсегда отпечаталась в мозгу, как моментальный снимок с удручающе резкой вспышкой.

Ванная комната в стиле лофт: черный кафель, огромное зеркало над раковиной, заляпанное паром и чьими-то пальцами. Белая мраморная столешница. И на этой столешнице, широко раздвинув загорелые ноги в ажурных чулках, сидела Ксюша — бывшая одноклассница Карины, девушка с вечно приоткрытым ртом и наращенными ресницами, похожими на дохлых пауков. Её короткая юбка была задрана до талии, голова запрокинута назад. А перед ней, оперевшись одной рукой в зеркало, так что оно пошло трещинами от пара, стоял Марк.

Его джинсы были спущены до середины бедер. Рубашка, та самая голубая оксфордская рубашка, которую Анна вчера гладила два часа, добиваясь идеальной стрелки на рукаве, была расстегнута и свисала с плеч. Она видела, как двигаются мышцы его спины под тонкой тканью, как напрягаются его ягодицы при каждом толчке. Он не просто занимался сексом. Он брал. Грубо, по-животному, с той страстью, которую Анна никогда не видела в его глазах, когда он прикасался к ней.

В нос ударил запах. Запах её мускуса, его пота и цитрусового освежителя воздуха. Удушливая, тошнотворная смесь предательства.

Звук открывшейся двери заставил Ксюшу дернуться. Её распахнутые глаза встретились в зеркале с глазами Анны. В них не было страха. В них было только пьяное удивление и легкая досада, что процесс прервали.

— Марк, — голос Анны прозвучал так тихо, что она сама его почти не услышала. Это был не крик, это был выдох боли, сорвавшийся с пересохших губ.

Он даже не остановился сразу. Его тело совершило еще одно, почти конвульсивное движение вперед, прежде чем он медленно, с неохотой повернул голову. Его волосы прилипли к влажному лбу. Глаза — темные, почти черные в тусклом свете ванной, — были затуманены не страстью, а раздражением. Он смотрел на Анну, но при этом его бедра всё ещё были прижаты к бедрам Ксюши. Он даже не пытался выйти из неё.

— Какого хрена, Анна? — спросил он ровно, почти скучающе. — Стучать не учили?

Внутри Анны что-то лопнуло. Не сердце — у сердца нет ушей, чтобы слышать такой звук. Это лопнула та самая нить, которая два года привязывала её к этому человеку, нить, состоящая из лжи и её собственного самоуничтожения. В глазах зацепало, но слезы не шли. Они застыли где-то в горле раскаленным свинцовым шаром.

— Ты... ты больной ублюдок! — закричала она. На этот раз громко, срывая голосовые связки. Крик отразился от кафеля и, казалось, ударил её саму по лицу. — Как ты можешь?! Ты же говорил, что любишь меня! Сегодня утром! Ты клялся...

Она сделала шаг в его сторону, размахивая руками. Стакан выпал из ослабевших пальцев и покатился по полу, оставляя за собой дорожку липкой жидкости. Марк лениво проследил за стаканом взглядом и снова поднял глаза на Анну. Его взгляд скользнул по её мокрому от пролитого коктейля пальто, по дрожащим губам, по неестественно бледным щекам. Он смотрел на неё так, будто она была назойливой мухой, влетевшей в комнату через открытое окно.

— Слушай, закрой рот и дверь с той стороны, — произнес он с нажимом. В голосе звенел металл приказа. — Ты мешаешь. Пошла отсюда.

Пошла отсюда.

Не «прости». Не «я всё объясню». Не «Анна, подожди».

Пошла отсюда. Словно она была официанткой, принесшей не тот заказ. Словно её присутствие было досадной помехой для его эрекции.

И, что было самым страшным и самым убийственным, он повернулся обратно к Ксюше. Анна видела, как он сжал её бедро, притягивая ближе, и снова вошел в неё с влажным, чмокающим звуком, заглушаемым лишь тихим смешком девушки за его спиной.

Ноги Анны стали ватными, чужими. Она попятилась назад. В коридор. Мир вновь наполнился звуками — далекий бас, смех Ксюши, ритмичный скрип столешницы о стену. Она споткнулась о порог, ударившись локтем о косяк, но боли не почувствовала.

Лестница. Ступеньки плыли под ногами. Кто-то внизу протянул ей руку, пытаясь затянуть в общий танец, кто-то крикнул: «Смотри, Анька напилась!». Она не видела лиц. Они превратились в размытые пятна акварели на мокрой бумаге. Её тошнило от запаха духов и алкоголя.

Входная дверь. Удар холодного, октябрьского воздуха в разгоряченное лицо. Анна бежала. Каблуки скользили по мокрой листве и грязи. Она не помнила, как открыла калитку. Слезы, наконец, прорвали плотину. Они были не солеными — они были горькими, как полынь, и обжигали щеки ледяными дорожками.

Она упала коленями на сырую траву у обочины, в паре метров от светящегося дома, где всё еще играла музыка и где ее парень трахал другую, даже не соизволив выйти из нее, чтобы выгнать Анну вон. Рыдания душили её, выворачивали наизнанку. Её рвало не от алкоголя — от правды. Тонкие пальцы с облупившимся красным лаком вцепились в мокрую землю, словно пытаясь удержаться за край ускользающего мира.

Где-то в доме, на втором этаже, Марк кончил с громким, удовлетворенным стоном, который Анна уже не слышала. Её мир сузился до точки. До этой холодной, грязной земли под ногтями и пустоты, которая теперь поселится в её груди навсегда. Вечеринка продолжалась. Жизнь Марка продолжалась. Для Анны время остановилось и разбилось вдребезги о мраморную столешницу в чужой ванной.

Она поднялась, шатаясь, как новорожденный олененок. Свет фар проезжающей мимо машины выхватил из темноты её лицо — мокрое, жалкое, с размазанной тушью. Но в глубине её серых глаз, за пеленой боли, уже зарождалось нечто иное. Не ярость. Не желание мести. Это было эхо той самой бездны, в которую она только что заглянула. Это было начало того, что позже назовут одержимостью, сломом, или... любовью к тому, что должно быть мертво.

Она пошла прочь, не разбирая дороги, в темноту пригорода, оставляя позади музыку, смех и осколки той Анны, которая верила в «прости». Та Анна умерла в коридоре дома Карины. Кто вернется — никто еще не знал. Даже я.

Она не помнила, как добралась до дома. Дорога длиною в семь километров по мокрому асфальту и безлюдным аллеям спального района превратилась в смазанную полосу черного неба и желтых фонарей. В голове пульсировал только один звук — влажный шлепок кожи о

кожу и его голос, произносящий: «Пошла отсюда». Ключ не попадал в замочную скважину. Пальцы дрожали так, словно она только что вынырнула из ледяной проруби. Наконец, дверь поддалась, и Анна ввалилась в темноту своей крошечной съемной квартиры-студии.

Щелкнул выключатель. Свет люминесцентной лампы в прихожей резанул по воспаленным глазам, заставляя зажмуриться. Она медленно, как лунатик, прошла в ванную, не снимая грязного тренча. Ей казалось, что запах его пота, смешанный с цитрусовым освежителем и чужими духами, вьелся в ткань пальто и теперь пожирает её кожу.

Анна встала перед зеркалом.

Это лицо больше не принадлежало той девушке, которая два часа назад поправляла пучок у калитки дома Карины. Это было лицо утопленницы, выброшенной на берег. Кожа, обычно бледная до полупрозрачности (Марк шутил, что видит вены на висках), сейчас приобрела землисто-серый оттенок, словно под ней остановилось движение крови. Тонкие, острые скулы, её единственная аристократическая гордость, сейчас выглядели болезненно, как у чахоточной модели с картин прерафаэлитов. Они были покрыты красными пятнами — следами сдавленных рыданий.

Глаза. Её огромные серые глаза, обрамленные прямыми ресницами, которые не держали тушь, превратились в две болезненные щели. Белки лопнули капиллярами, создавая карту алых рек на фарфоровом дне. Тушь, та самая водостойкая, в которую она верила, предала её так же, как и Марк. Она осыпалась черной крошкой под нижним веком, смешалась со слезами и растеклась неровными дорожками к уголкам губ, придавая рту выражение трагической клоунессы. Верхняя губа, тонкая и четко очерченная, была искусна купидоновой стрелой, но сейчас она тряслась в немом плаче. Нижняя губа — чуть полнее, с вечной трещинкой посередине от привычки кусать её в моменты волнения, — распухла и кровоточила. Она сгрызла её в кровь, пока брела домой, даже не заметив.

Она смотрела на свои руки, вцепившиеся в край раковины. Узкие запястья с голубыми нитками вен. Длинные пальцы пианистки, которые так и не научились играть, с облупившимся лаком цвета «бычья кровь». Под ногтями — черная кайма земли и гравия. Анна поднесла ладонь к лицу и вдохнула запах почвы. Запах разложения.

Она начала раздеваться. Медленно, словно снимала кожу. Тренч упал на пол мокрой бесформенной кучей. Черная водолазка обтягивала тело, которое Марк называл «недокормленным». У Анны не было пышной груди, которую он так любил тискать у Ксюши. У неё была хрупкая, почти подростковая фигура с узкой грудной клеткой, где каждое ребро прощупывалось сквозь тонкую ткань, и небольшой, аккуратной грудью с бледно-розовыми сосками, всегда напряженными от холода или страха. Она стянула водолазку через голову. В зеркале отразилось тело жертвы. На левом боку, чуть ниже подмышки, красовался небольшой синяк — след от удара о косяк в коридоре Карины. Живот плоский, но не спортивный, а скорее впалый, с тонкой полоской темных волос, убегающей под резинку чулок. Ноги. Её единственное богатство. Стройные, длинные, с точеными щиколотками, которые он так любил обхватывать своей большой ладонью, когда она сидела у него на коленях.

Она включила воду. Горячую. Почти кипятком. И залезла под душ, не дожидаясь, пока вода прогреется равномерно. Струи впились в озябшую кожу тысячько игл, но она не чувствовала тепла. Она терла тело мочалкой до красноты, до скрипа, пытаясь стереть с себя его взгляд, его запах, его голос. Но лицо Марка стояло перед глазами, выжженное каленым железом.

Его лицо.

Она закрыла глаза, подставляя лицо потокам воды, и перед ней вновь всплыла картинка из ванной Карины, но теперь застывшая, словно под микроскопом.

Лицо Марка в тот момент. Не то лицо, которое она знала. У её Марка было смешное, почти мальчишеское выражение, когда он спал, уткнувшись носом в подушку. У её Марка

была легкая морщинка между бровей, когда он читал новости в телефоне. У её Марка был мягкий, чуть кривоватый рот с четко очерченной линией губ, которые она так любила целовать, чувствуя вкус мятной жвачки и табака.

Но то лицо, в зеркале ванной, принадлежало чужому человеку. Лоб, обычно гладкий, был покрыт испариной, отчего русые волосы прилипли к нему мокрыми змеистыми прядями. Глаза — её любимая темная радужка, цвет которой она называла «горький шоколад», — не излучали ни тепла, ни даже злобы. Там была пустота. Абсолютный, безразличный ноль, нарушаемый лишь легким прищуром физического усилия и досады на то, что его прервали. Скулы заострились не от страсти, а от напряжения. Ноздри прямого носа раздувались, втягивая воздух, но в этом жесте не было чувственности — только животная механика дыхания. И губы. Её родные губы были искривлены в полуулыбке-полуоскале, обнажая ровный ряд белых зубов. Это была не улыбка любовника. Это был оскал сытого хищника, которому мешают догрызать добычу.

Она вспомнила его тело. Широкие плечи пловца, которые она так любила гладить кончиками пальцев, читая ему вслух стихи. Руки с длинными, музыкальными пальцами (он играл на гитаре в студенчестве), которые в этот момент сжимали не гриф, а бедро чужой женщины, оставляя на загорелой коже белые пятна от давления. Его спина. Длинная линия позвоночника, переходящая в узкие бедра и упругие ягодицы. Там, на пояснице, у него была родинка. Она увидела её в ту секунду, когда он сделал финальный толчок. Эту родинку она целовала утром, провожая его на работу. И сейчас на это же место смотрела Ксюша.

Анну вырвало желчью прямо в слив душа. В желудке было пусто. Она сползла по мокрому кафелю на пол и просидела так, пока вода не стала ледяной. Первая ночь началась.

День первый. Воскресенье.

Она не спала ни минуты. Лежала на кровати, скрутившись в позу эмбриона, сжимая в руках подушку, которая еще пахла его волосами. Наволочка была несвежей — она ждала его в пятницу, а он не пришел. Теперь она знала, где он был. Телефон лежал на тумбочке экраном вверх. Зарядка 87%. Тишина. Ни одного сообщения. Даже «ты как?».

Анна смотрела в потолок, где от фонаря за окном плясала тень ветки. Она прокручивала в голове тот момент. «Ты офигенная детка». Эти слова были адресованы не ей. Никогда не ей. Марк никогда не называл её так. Он называл её «Анют, соль моя» или просто «Мелкая». Он никогда не говорил ей о том, что она офигенная. Она была удобной. Как старый плед.

К полудню она заставила себя встать, чтобы попить воды. В зеркале в прихожей мелькнуло её отражение, и она вздрогнула. Лицо опухло так, будто она неделю пила беспробудно. Глаза превратились в узкие амбразуры. Она снова легла и накрылась одеялом с головой, создавая искусственную ночь. Телефон молчал.

День второй. Понедельник.

Звонок будильника на работу. Она сбросила его не глядя. Позже пришло сообщение от начальницы: «Анна, ты заболела?». Она не ответила. Ей было все равно, уволят её или нет.

Сегодня боль из острой, кинжальной, превратилась в тупую, грызущую. Она сидела на кухне и ела холодную гречку из кастрюли, стоя, даже не разогревая. Ела механически, чтобы желудок перестал скручивать спазмами. Она вспоминала его холодный взгляд. «Пошла отсюда». Не «уйди, пожалуйста». Не «давай поговорим позже». Пошла. Как собаку. В этот момент она поняла: он не просто изменил. Он вытер об неё ноги. Он даже не счел нужным изобразить вину. Ему было плевать.

Анна подошла к книжному шкафу. Там стояла их общая фотография в рамке. Крым, прошлое лето. Марк держит её на руках, она смеется, ветер треплет её волосы. Он смотрит в камеру, улыбаясь своей фирменной улыбкой победителя. У него была очень красивая шея. Сильная, с выступающим кадыком, и ямочкой у основания горла. Ей вдруг безумно захотелось укусить его именно туда. До крови. Чтобы он закричал. Она разбила рамку о край стола. Стекло брызнуло осколками по полу. Фотографию она порвала сначала пополам, потом на мелкие

кусочки. Пальцы порезались о край стекла, но она не заметила, глядя, как капли крови падают на его бумажное лицо.

Телефон молчал.

День третий. Вторник.

Попытка выйти из дома. Она надела огромные солнечные очки, хотя на улице моросил дождь, и огромный свитер. Ноги сами принесли её в круглосуточный супермаркет у дома. Она купила две бутылки самого дешевого красного вина и упаковку снотворного.

Дома она смешала первое со вторым. Не для того, чтобы умереть. Для того, чтобы отключиться. Чтобы перестать слышать его голос в голове. Сон, вызванный химией, был тяжелым и липким. Ей снилось, что она снова в том коридоре, но теперь она не плачет, а стоит с ножом в руке. И смеется. Она проснулась от собственного смеха в три часа ночи, вся в холодном поту. Это напугало её больше, чем слезы. Телефон молчал.

День четвертый. Среда.

День уборки и уничтожения улики. Она методично, как робот, собирала его вещи, разбросанные по квартире. Его зубная щетка в стаканчике. Она смотрела на неё минуту, потом сломала пополам и выбросила в мусорное ведро. Его футболка с логотипом Nirvana, которую она надевала, когда скучала. Она лежала на спинке стула. Анна взяла её, поднесла к лицу и глубоко вдохнула. Ткань еще хранила запах его тела — смесь стирального порошка и мускуса. Легкие обожгло сентиментальностью. Она хотела оставить её, спрятать под подушку, как раньше. Но вместо этого она взяла кухонные ножницы и начала резать. Медленно, полоска за полоской, превращая хлопок в груды бесформенного тряпья. Резать оказалось приятно. Звук разрезаемой ткани немного заглушал звон в ушах.

Потом она села на пол среди хлопковых лоскутов и впервые за эти дни зашла в социальные сети. Страница Марка. Он был онлайн 15 минут назад. Новое фото. Он и Ксюша в каком-то баре. Ксюша сидит у него на коленях, вытянув свои бесконечные загорелые ноги в сетчатых чулках. Его рука покоится на её бедре. Подпись: «Моя офигенная детка». И сотни лайков. Сотни.

Экран телефона поплыл перед глазами. Она почувствовала, как желудок скручивает в узел. Неужели у них всё было и до этого? Сколько раз он врал, говоря, что задерживается на работе? С кем он был в Крыму мыслями, когда обнимал её, Анну?

Она не плакала. Слезы кончились на третьи сутки. Теперь внутри была только выжженная пустыня. Самум.

День пятый. Четверг.

Она перестала есть. Просто забыла. Тело стало легче, движения — резче. Она подолгу стояла у окна, глядя на серую пелену дождя, и считала капли на стекле. Лицо её за эти дни изменилось кардинально. Отеки сошли, обнажив истинную структуру костей. Скулы теперь не просто угадывались — они выпирали, острые, как лезвия, придавая лицу выражение голодной, опасной грации. Глаза запали глубже, тени под ними стали цветом переспелой сливы. Губы потрескались и побледнели, потеряв всякую припухлость. Это было лицо человека, который прошел через чистилище и оставил там свою душу.

Она перестала ждать звонка. Она ждала только ночи, потому что ночью во снах она могла причинить ему боль. А наяву — нет. Наяву она была просто жалкой брошенной Анной, о которую вытерли ноги в ванной.

День шестой. Пятница.

Карина прислала голосовое сообщение. Анна включила его, надеясь услышать слова поддержки.

«Слушай, Ань, я видела, что у вас там с Марком... Ну, ты это, не кисни. Может, оно и к лучшему. Ксюха, конечно, сука та ещё, но Марка ты вечно пилила. Может, он просто мужик, ему драйв нужен. А ты слишком... сложная. Отпусти ситуацию. Забей».

Анна слушала это сообщение раз пять. Ты слишком сложная. Это была вишенка на торте её унижения. Даже лучшая подруга считала, что Марк был прав. Что Анна сама виновата в том, что он предпочел более простую, более доступную, более "офигенную детку".

Она удалила чат с Кариной. Удалила номер. Затем, не дрогнувшей рукой, заблокировала Карину везде. Это было не зло. Это была хирургическая ампутация гнилой конечности.

День седьмой. Суббота.

Ровно неделя.

Она проснулась от тишины. Той особенной тишины, когда даже холодильник перестал гудеть, а соседи сверху не топали. Анна лежала на спине, вытянувшись в струну, и смотрела в потолок. Семь дней она жила в агонии. Семь дней её тело и разум разлагались заживо.

Она встала с кровати. Ноги держали её на удивление твердо. Она подошла к зеркалу в полный рост, которое стояло в углу комнаты. Скинула с себя застиранную пижаму, оставшись полностью обнаженной.

Она смотрела на себя долго, изучающе, как патологоанатом на труп. Да, это тело больше не принадлежало Марку. На нем не было его следов — она смыла их кипятком. Оно стало еще тоньше, но в этой худобе появилась пугающая жилистость. Ключицы торчали, как рукояти ножей. Тазовые кости выпирали над плоским животом. В этом теле не осталось мягкости, способной принять удар. Только острые углы.

Она подняла взгляд к своему лицу в отражении. Волосы цвета горького шоколада, давно не мытые, тяжелыми прядями лежали на плечах, обрамляя осунувшееся лицо. Глаза — серые, холодные, как ртуть. В них не было ни слез, ни надежды. Там поселилось что-то новое. Ледяное спокойствие берсерка перед битвой.

«Ты офигенная детка», — прошептала она сама себе, растягивая губы в улыбке, которая больше напоминала оскал. Голос был хриплым от недельного молчания. Она смотрела в глаза своему отражению и впервые за семь дней видела там не жертву. Она видела женщину, которой нечего терять. А люди, которым нечего терять, способны на любую тьму.

Телефон в последний раз мигнул уведомлением. Это была реклама доставки пиццы. От Марка вестей не было. И уже никогда не будет. Но сейчас Анна поняла: ей уже не нужны его слова. Ей нужно кое-что другое. Она медленно открыла ящик комода, где под бельем лежали осколки стекла от разбитой рамки. Самый большой осколок, острый как бритва, отражал свет настольной лампы.

Семь дней траура закончились. Начинался день восьмой. И это был день рождения кого-то нового.

Пыль и пепел

Она проснулась от того, что в висках стучала кровь. Не будильник. Не лучи солнца, пробивающиеся сквозь грязные жалюзи. Именно кровь — тяжелая, густая, словно ртуть, пульсировала где-то над левым ухом, отсчитывая ритм нового дня. Восьмой день.

Анна лежала на спине, уставившись в потолок, где по-прежнему плясала тень голой ветки. Но теперь эта тень не казалась ей зловещей. Она казалась просто фактом. Частью пейзажа. Она повернула голову к окну. Серое, ватное небо октября сочилось сквозь немытое стекло, окрашивая комнату в оттенки пепла.

Тело отзывалось тупой, ноющей болью в мышцах. Семь дней, проведенных в горизонтальном аду, сделали её одновременно невесомой и свинцовой. Анна спустила ноги с кровати. Холодный пол обжёг босые ступни. Она встала и, шатаясь, прошла в ванную, не включая свет. Ей не хотелось видеть себя в ярком электричестве.

В полумраке, подсвеченная лишь синевой утра из окна кухни, она включила воду. Ледяную. На этот раз — осознанно. Она плеснула её в лицо, стирая остатки тяжелого, химического сна. Растирание кожи грубым вафельным полотенцем причиняло боль, но эта боль была отвлекающей. Нужно на работу. Эта мысль прозвучала в голове не как мотивация, а как команда к исполнению протокола. Она должна была пойти туда еще вчера или позавчера, но сил не было. Сегодня сил тоже не было, но пустота внутри стала такой огромной, что в ней могло поместиться всё, даже унижение.

Она открыла шкаф. Вещи висели ровными рядами, пахнущие лавандовым саше. Джинсы, блузки, строгие юбки-карандаш — униформа офисного планктона. Анна вытащила черные прямые брюки и простую серую водолазку. Никаких украшений, кроме тонкой серебряной цепочки с крошечным крестиком, которую она никогда не снимала.

Процесс одевания стал актом реконструкции. Она натягивала вещи на свое изменившееся тело с удивлением, словно примеряла чужую кожу. Брюки, которые раньше сидели по фигуре, теперь висели на бедрах мешком, и ей пришлось затянуть ремень на последнюю дырку, проделанную когда-то ножницами. Водолазка облепила ключицы и острые плечи, делая её похожей на подростка, донашивающего вещи старшей сестры. Лицо в зеркале прихожей всё ещё пугало. Анна достала косметичку — засохший консилер и тюбик туши. Она не красилась, а скорее маскировала трупные пятна. Тон нанесла пальцами, грубо растирая по щекам. Тушью мазнула пару раз, чтобы хоть как-то отделить ресницы от припухших век. Губы оставила нетронутыми — они были бескровными, и помада смотрелась бы на них как издевательство.

Она накинула всё тот же черный тренч, который так и не сдала в химчистку. Запах той ночи выветрился, уступив место запаху сырой шерсти и сигаретного дыма от уличных переходов. В кармане нащупала мятую купюру и телефон. Зарядка 23%. Как и у неё самой.

Такси.

Она вызвала машину через приложение, почти не глядя на экран. «Эконом». Ей было всё равно, на чем ехать на собственную казнь. Через четыре минуты телефон звякнул: «Водитель ожидает. Белый Renault Logan».

Анна вышла из подъезда. Холодный воздух схватил её за горло, заставляя втянуть голову в плечи. Она быстро пересекла мокрый двор, лавируя между лужами, в которых плавали окурки и размокшие осенние листья. Машина стояла у арки.

Белый Logan выглядел уставшим, как и всё в этом городе. На переднем бампере красовалась глубокая царапина, замазанная дешевой краской из баллончика, не совпадающей по тону. Анна дернула заднюю дверь и нырнула в салон, пахнущий ароматизатором «Ёлочка» с запахом хвои, смешанным с прогорклым табачным дымом. Салон был серым, тканевым, с въевшимися пятнами на сиденьях. На полу валялась скомканная обертка от шоколадного батончика.

Водитель — мужчина лет пятидесяти, с массивным, оплывшим лицом и красными прожилками на носу. Его лысина блестела в свете уличных фонарей, а по бокам головы вились редкие седые волосы. Он был одет в растянутую болоньевую жилетку поверх клетчатой рубашки. Он даже не обернулся, только мельком глянул в зеркало заднего вида. Его глаза — маленькие, заплавленные жиром, но цепкие — скользнули по её бледному лицу и тут же уткнулись в навигатор.

— На Московскую, бизнес-центр «Меридиан»? — прохрипел он прокуренным басом, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Да, — голос Анны прозвучал глухо, словно из-под ватного одеяла.

Машина тронулась с резким рывком. Водитель вел агрессивно, перестраиваясь из ряда в ряд, тихо матерясь на зазевавшихся пешеходов. В салоне играло ретро-радио. Песня про «белые розы» и «люди друг друга едят» показалась Анне издевательски точным саундтреком. Она смотрела в окно на проплывающие мимо серые фасады домов, на людей, спешащих по своим делам с пакетами и стаканчиками кофе. Все они жили. Их мир не рухнул. Для них осень была просто временем года, а не могильной плитой.

Водитель вдруг хмыкнул, разглядывая что-то на тротуаре.

— Во дает девка, а? Юбка — жопа наружу. Срамота, — он цокнул языком и покосился на Анну в зеркало, ища поддержки мужской солидарности. Анна промолчала. Её мир сузился до серого прямоугольника окна и мысли: «Только бы не плакать».

Офис.

Бизнес-центр «Меридиан» встретил её стерильным холодом стекла и бетона. Вращающиеся двери, пропахшие хлоркой мраморные полы вестибюля, охранник в форме, лениво листящий ленту в телефоне. Она приложила пропуск к турникету. Зеленый сигнал. Значит, еще не заблокировали. Значит, еще есть шанс.

Лифт поднял её на седьмой этаж. Двери открылись, и в лицо ударил знакомый гул — стрекот клавиатур, звонки телефонов, приглушенный смех. Офисный опенспейс жил своей обычной жизнью. Анна шла по проходу между рядами столов, чувствуя, как взгляды коллег липнут к её спине. Шепотки вспыхивали и гасли, словно бенгальские огни.

Она заметила Лену — свою напарницу, полную добродушную женщину с химической завивкой. Лена, увидев Анну, прижала ладонь ко рту. Её глаза округлились. Анна знала, что сейчас выглядит как призрак. Она коротко кивнула Лене, проходя мимо, направляясь прямоком в аквариум начальника.

Дверь в кабинет директора по продажам, Виктора Павловича Сорокина, была приоткрыта. Оттуда уже доносился его зычный голос — он отчитывал кого-то по телефону за срыв поставок. Анна глубоко вздохнула, постучала костяшками пальцев и, не дожидаясь ответа, вошла.

Кабинет был просторным, но душным из-за вечно закрытых пластиковых окон. Огромный стол из темного дерева был завален бумагами. За ним восседал Виктор Павлович — мужчина сорока пяти лет, грузный, с красным, мясистым лицом и глубокими залысинами на лбу. Когда Анна вошла, он как раз швырнул трубку стационарного телефона на рычаг с такой силой, что аппарат жалобно звякнул.

— Явилась, пропажа! — его голос ударил по перепонкам, словно кувалдой. Он даже не смотрел на неё, уткнувшись в монитор компьютера. — Ты где, *****, шлялась неделю?! Ты хоть понимаешь, что ты наделала?

Анна стояла у двери, словно провинившаяся школьница. Пальцы, сжимавшие ремешок сумки, побелели.

— Виктор Павлович, я могу всё объяснить. У меня... у меня случилась очень тяжелая ситуация в личной жизни. Мой молодой человек... я не могла...

— Стоп! — он поднял вверх пухлую ладонь с короткими пальцами-сосисками. На безымянном тускло блестело толстое обручальное кольцо. — Я тебе кто? Психолог? Психушка? Мамочка твоя?

Он наконец поднял на неё глаза. Маленькие, водянисто-голубые, они смотрели на Анну без тени сочувствия, только с раздражением сытого хищника, которому мешают переваривать обед.

— Ты сорвала сделку с «РегионСнабом»! Контракт на полтора миллиона! Документы должны были уйти в четверг! Где документы? Где сканы? Я лично обещал Сергееву, что всё будет готово!

— Я подготовила почти всё до... до того, как это случилось, — попыталась возразить Анна. Её голос дрожал, но она изо всех сил старалась держать спину прямо. — Оставалось только подписать у юристов и отправить. Лена могла бы...

— Лена! — взревел Сорокин, багровея еще больше. — Лена не твоя нянька! И не моя! Ты взрослый человек! Ты получаешь зарплату не за то, что тебя там какой-то кобель бросил!

Слова ударили наотмашь. Кобель бросил. Откуда он знает? Неужели уже все знают? Анна почувствовала, как краска стыда заливает щеки поверх мертвенной бледности. Ей казалось, что весь офис видит её голой, жалкой, стоящей на коленях в грязи у дома Карины.

— Виктор Павлович, я не спала и не ела неделю, — прошептала она, срываясь на хрип. — У меня не было сил даже встать. Я понимаю, что подвела, но...

— Меня не ***** твои силы! — он хлопнул ладонью по столу так, что подпрыгнула кружка с остывшим чаем. — Работа есть работа. Ты её не выполнила. Ты не вышла на связь. Ты подвела весь отдел. С сегодняшнего дня ты здесь больше не работаешь. Заявление по собственному тебе принесут через час. Подпишешь — получишь расчет без волокиты. Нет — уволью по статье за прогул. Всё, разговор окончен. Пошла вон.

Пошла вон.

Снова эти слова. Сначала от любимого мужчины, теперь от начальника. Анна смотрела на красное, потное лицо Сорокина, на его брызжущие слюной губы, и вдруг почувствовала странное, почти мистическое спокойствие. Мир просто подтверждал правила игры: ты либо хищник, либо корм. Она была кормом. Второй раз за неделю её выбрасывали на помойку.

Она развернулась и вышла из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь. В открытом пространстве офиса повисла тишина. Все смотрели на неё. Кто-то с жалостью, кто-то с любопытством, кто-то с плохо скрытым злорадством (это была Катя из соседнего отдела, которая всегда завидовала её проектам).

Анна медленно дошла до своего стола. Монитор, клавиатура, засохший кактус в горшочке, рамка с той самой фотографией из Крыма (она забыла, что держала дубликат на работе). Её начало трясти. Мелкая, противная дрожь пошла от коленей вверх, к животу.

Лена первой вскочила со своего места и бросилась к ней. За ней потянулись Света из бухгалтерии и Марина — девочка-стажер, которая всегда смотрела на Анну с щенячьим обожанием. Они окружили её, загораживая от любопытных глаз.

— Анечка... Анечка, родненькая, — запричитала Лена, хватая её за ледяные руки. — Что ж он с тобой сделал-то? Господи, на тебе лица нет. Пойдем, пойдем в коридор.

Они вывели её в тупик у пожарной лестницы, где пахло пылью и сигаретами. И там Анна сломалась. Она не рыдала — рыдать было нечем. Она просто осела по стене вниз, на грязный бетонный пол, и из глаз потекли беззвучные, горячие струйки, прокладывая дорожки по плохо замазанному консилером синякам под глазами.

— Он меня уволил, — прошелестела она. — У меня ничего не осталось. Вообще ничего.

И тут заплакали они. Лена, утирая глаза рукавом блузки, причитала: «Да пропади он пропадом, козел этот, и Марк твой, и Сорокин!». Марина, молодая и впечатлительная, просто редела в голос, уткнувшись Анне в плечо, размазывая тушь по её тренчу. Даже Света, обычно

сухая и циничная, стояла с каменным лицом, но в глазах у неё блестела влага. Они плакали вместе с ней, но они не могли ничего изменить. Их жалость была теплой, почти материнской, но абсолютно бесполезной. Она не возвращала работу. Она не возвращала достоинство. Она не заставляла замолчать эхо голоса Марка.

Через двадцать минут Анна вытерла лицо, поднялась с пола и поправила воротник пальто. Она прошла в отдел кадров, где молчаливая женщина в очках сунула ей под нос бумаги. Анна подписала, не читая. Расчет переведут на карту. Трудовая книжка — электронная.

Выйдя из здания бизнес-центра, она остановилась на крыльце. Мир остался прежним. Машины сигналили, люди куда-то спешили, на углу продавали безвкусные хот-доги. У неё в кармане лежал телефон с разряженной батареей, в сумке — пустой кошелек, а в душе — выжженная земля. Домой идти было незачем. Там ждали только осколки стекла в комод и изрезанная в лоскуты футболка.

Она медленно пошла по улице, не разбирая дороги. Ноги сами принесли её к небольшому супермаркету «Пятерочка» на углу её двора. Яркий, агрессивно-желтый свет витрин ударил по глазам. Механически, повинуясь какому-то древнему инстинкту выживания, она толкнула пластиковую дверь и взяла корзину.

Зал был почти пуст. Пенсионерка выбирала молоко, охранник-таджик смотрел в телефон. Анна шла вдоль полок, не глядя бросая в корзину предметы. Хлеб. Молоко. Пачка самых дешевых макарон. Бутылка красного вина. Еще одна. У кассы она заметила стенд с мелким садовым инвентарем. Среди грабель и лопаток висели секаторы. Небольшие, с острыми, хищно загнутыми лезвиями и оранжевыми рукоятками. Ценник — 299 рублей.

Она взяла его в руку. Холодный металл приятно оттянул ладонь. Она положила секатор в корзину, прикрыв сверху батонем хлеба.

Кассирша, девушка с ярко-розовыми прядями в волосах, быстро пробила товары, сонно глядя сквозь Анну.

— Пакет нужен?

— Да, — ответила Анна.

Она расплатилась последней наличкой, взяла шуршащий пакет и вышла обратно в промозглую осень. В пакете звякнули бутылки и тихо брякнул секатор. Это был звук покупки продуктов. Но в контексте восьмого дня это был звук другого выбора. Выбора, который она пока не осознавала до конца, но который уже созрел в выжженной земле её души.

Она шла домой, и её шаги по мокрому асфальту больше не были беззвучными. Они звучали гулко и тяжело, словно шаги человека, несущего в пакете не ужин, а приговор.

Пакет был дешевым. Черный, шуршащий полиэтилен с белой надписью «Спасибо за покупку», который рвется ровно в тот момент, когда ты меньше всего этого ждешь. Анна прошла мимо детской площадки с покосившимися качелями, мимо ржавого гаража-ракушки, и уже видела свет в окне своей квартиры на втором этаже. Оставалось каких-то тридцать шагов до подъезда, когда она услышала этот звук.

Сначала тихий, предупреждающий треск растягивающейся пластмассы. Она даже не успела отреагировать — просто шла, глядя в одну точку перед собой, сжимая в озябших пальцах ручки пакета. А потом — резкий, глухой хлопок, и сразу за ним — звон бьющегося стекла.

Одна из бутылок красного вина, самая тяжелая, пробила истончившееся дно и рухнула на асфальт. Осколки темно-зеленого стекла брызнули во все стороны, словно шрапнель. Густая, рубиновая жидкость выплеснулась на серую плитку тротуара, растекалась причудливой лужей, напоминающей по форме распластанную летучую мышь. В нос ударил терпкий, кисловатый запах дешевого алкоголя, смешанный с запахом мокрого камня.

Анна остановилась. Она смотрела на лужу вина, и ей казалось, что это её собственная кровь, наконец, вытекла наружу. Вот так же внезапно и безвозвратно. Она даже не наклонилась, чтобы поднять уцелевшее — батон хлеба, упаковку макарон и секатор, который предательски

вывалился из пакета и лежал теперь на асфальте, поблескивая оранжевой рукояткой в свете фонаря.

— Ого! Кажется, кто-то решил устроить дегустацию прямо на парковке, — раздался голос за спиной. Мужской, с легкой хрипотцой и теплой, обволакивающей интонацией, от которой веяло хорошим чувством юмора и дорогими сигаретами.

Она не вздрогнула. За эту неделю она перестала вздрагивать. Она медленно обернулась.

Перед ней стоял Дима. Сосед из тридцать пятой квартиры. Анна видела его раньше мельком — в лифте, у почтовых ящиков, иногда в окно, когда он курил на балконе. Они обменивались дежурными «здрасьте», но никогда не разговаривали. Сейчас он стоял в двух шагах от неё, одетый в темно-синее длинное пальто из дорогого кашемира, наброшенное поверх простой черной футболки. В одной руке он держал бумажный пакет из винного бутика, в другой — ключи от машины.

Дима был высоким. Намного выше Марка. Он возвышался над хрупкой фигурой Анны, словно скала, но в его позе не было угрозы. Он стоял расслабленно, чуть склонив голову набок, и смотрел на лужу вина с искренним, почти детским сожалением. Его лицо, подсвеченное желтым фонарем, было интересным — не классически красивым, но запоминающимся. Широкий лоб, на который спадала прядь темных, пепельно-русых волос. Глубоко посаженные глаза цвета крепкого черного чая, окруженные сеточкой мелких морщинок — не от возраста, а от привычки щуриться на солнце или от частого смеха. Нос с небольшой горбинкой, словно сложенный когда-то в юности и неправильно сросшийся. Губы — полные, четко очерченные, с приподнятыми в легкой усмешке уголками. Легкая небритость, серебрившаяся в свете фонаря, придавала его лицу брутальный, но не отталкивающий вид.

Он перевел взгляд с винной лужи на Анну, и его усмешка мгновенно погасла. Глаза, только что искрившиеся весельем, стали серьезными, изучающими. Он не видел её около двух недель — то уезжал в командировку, то задерживался на работе допоздна. И сейчас, глядя на неё вблизи, он явно не узнавал ту миловидную, хоть и вечно грустную девушку из соседней квартиры.

— Анна? — спросил он, и в его голосе прозвучала неуверенность, словно он сомневался, она ли это. — Это... ты?

Она молчала, глядя на него пустыми серыми глазами, в которых не отражался даже свет фонаря. Дима сделал шаг вперед, вглядываясь в её лицо. Он видел всё: болезненную худобу, проступившую сквозь одежду, острые скулы, обтянутые бледной, почти прозрачной кожей, синяки под глазами, которые не мог скрыть даже наспех наложенный консилер, потрескавшиеся губы и общий вид человека, прошедшего через мясорубку.

— Чёрт... — выдохнул он тихо, но не с жалостью, а с каким-то мрачным пониманием. — Ты... ты в порядке?

Анна медленно покачала головой. Не в знак отрицания, а просто констатируя факт. Нет, она не в порядке. Она уже никогда не будет в порядке.

Дима перевел взгляд на разбитую бутылку, потом на секатор, валяющийся на асфальте. Его брови слегка приподнялись, но он ничего не сказал об этом странном соседстве — вино и садовый инструмент в продуктовом наборе. Вместо этого он присел на корточки, аккуратно, чтобы не испачкать дорогое пальто, и начал собирать крупные осколки стекла, складывая их в свой бумажный пакет.

— Знаешь, у меня дома есть точно такая же бутылка, — сказал он, не глядя на неё, сосредоточенно убирая опасные куски. — Красное сухое, «Каберне Совиньон», кажется. Я не большой знаток, покупаю по этикетке — если красивая, беру. Эта была с замком на этикетке. Глупо, да? Выбирать вино по картинке.

Он говорил легко, непринужденно, словно разбитая бутылка и её состояние были самой обыденной вещью в мире. Закончив с осколками, он выпрямился и посмотрел на неё. В его глазах читалось не любопытство, а спокойное, уверенное предложение.

— Давай так: ты сейчас поднимаешься ко мне. Мы открываем эту самую бутылку с замком, и ты пьешь ровно столько, сколько тебе нужно, чтобы либо рассказать, что случилось, либо просто молча смотреть в стену. У меня как раз есть сыр. И тишина. И балкон, если захочешь курить. Или не курить. В общем, полный пансион для уставших соседей.

Анна смотрела на него. В любой другой день, в любой другой жизни она бы вежливо отказалась, пробормотала что-то про дела и скрылась за своей дверью. Но та Анна умерла. Эта Анна ничего не боялась, потому что терять было уже нечего. Её жизнь превратилась в черновик, который можно было мять, рвать и переписывать заново. Согласиться пойти в квартиру к малознакомому мужчине? Почему бы и нет. Что он может сделать? Убить её? Это было бы даже милосердно.

— Хорошо, — сказала она. Её голос прозвучал сухо, как шелест осенних листьев под ногами.

Дима кивнул, словно ожидал именно этого ответа. Он наклонился и поднял с асфальта её уцелевший батон, пачку макарон и секатор. Сунул всё это в свой пакет поверх осколков.

— Пошли. Лифт сегодня работает, что уже праздник.

Квартира Димы.

Она ожидала увидеть типичную холостяцкую берлогу — разбросанные носки, горы невымытой посуды и запах застарелого табака. Но квартира Димы оказалась неожиданной. Это была «двушка» с качественным ремонтом в стиле лофт: кирпичная стена, выкрашенная в белый цвет, темный паркет, высокие потолки и огромные окна, за которыми мерцали огни ночного города. Мебель была минималистичной, но дорогой — кожаный диван шоколадного цвета, стеклянный журнальный столик, на котором лежала стопка книг по архитектуре и пара глянцевого журналов. В углу стояла акустическая гитара.

Пахло здесь сандалом, кофе и едва уловимым запахом дорогого мужского парфюма. Чистота была почти стерильной, но не больничной — просто мужчина явно уважал пространство, в котором жил.

— Проходи, не разуваясь, у меня робот-пылесос всё равно утром всё соберет, — бросил Дима, проходя на кухню.

Кухня была продолжением гостиной, отделенная лишь барной стойкой. Темные матовые фасады, столешница из искусственного камня под бетон. Дима выгрузил из пакета её продукты, аккуратно поставив макароны и хлеб на край стола. Секатор он положил отдельно, даже не комментируя.

Затем он достал из холодильника бутылку вина — действительно, точно такую же, с этикеткой, на которой был изображен старинный замок на фоне заката. Ловким движением он откупорил её, достал два огромных бокала на тонких ножках и щедро наполнил оба.

— Садись, — он кивнул на высокий барный стул.

Анна послушно села, обхватив бокал обеими руками. Вино было комнатной температуры, густое, с ягодным ароматом. Она сделала большой глоток. Жидкость обожгла горло и провалилась в пустой желудок теплой волной.

Дима сел напротив, пододвинув тарелку с нарезанным сыром и виноградом. Сам он пил маленькими глотками, наблюдая за ней поверх края бокала. Он не торопил. Он просто был рядом, заполняя пространство своим спокойным, уверенным присутствием.

И Анна заговорила.

Сначала медленно, подбирая слова, словно училась говорить заново после недели молчания. Она рассказала о вечеринке у Карины. О том, как искала Марка, как слышала звуки из ванной. Она описала ему лицо Марка в тот момент — холодное, чужое, с каплями пота на лбу.

Она повторила те самые слова: «Ты офигенная детка», адресованные Ксюше, а потом: «Пошла отсюда», брошенные ей.

Она говорила, и голос её становился всё более механическим, словно она зачитывала протокол вскрытия. Она рассказала о семи днях ада — о бессоннице, о разорванной футболке, о разбитой рамке с фотографией, о порезанных пальцах, о сообщении Карины: «Ты слишком сложная». Она рассказала о сегодняшнем утре, о такси, о водителе в болоньевой жилетке, о том, как Сорокин кричал на неё, брызжа слюной, и как она подписала заявление.

Когда она дошла до момента, где девочки плакали вместе с ней у пожарной лестницы, её голос впервые дрогнул. Не от жалости к себе, а от осознания полного, абсолютного краха. У неё не осталось ни любви, ни работы, ни подруги, ни даже иллюзий.

Дима слушал, не перебивая. Он лишь иногда подливал вино в её бокал, который она опустошала слишком быстро. Когда она замолчала, уставившись в одну точку на стене, он откинулся на спинку стула и сделал глубокий вдох.

— Ну, — произнес он наконец, — справедливости ради, Сорокин — редкостный мудака. Я его знаю. Пересекались по работе пару раз. У него вечно изжога от собственной желчи. А Марк... Марк просто слепой идиот.

Он не стал говорить банальностей вроде «ты найдешь лучше» или «время лечит». Он просто констатировал факт, как погоду за окном.

— Ты, наверное, думаешь, почему я такой понимающий? — Дима усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Я работаю антикризисным менеджером. Спасая тонущие бизнесы. Прихожу в компанию, когда всё уже плохо, увольняю половину персонала и пытаюсь выгрести. Я привык к слезам, крикам и людям, потерявшим всё. Только обычно это деньги и активы, а не душа. Но принцип тот же.

Он покрутил бокал в пальцах, глядя на блики света в темной жидкости.

— А еще меня постоянно бросали девушки. Серьезно. У меня есть какая-то патологическая способность влюблять в себя, а потом... надоедать. Знаешь, как это бывает? Сначала я — загадочный спаситель, который решает проблемы, слушает, поддерживает. А потом они понимают, что за этим фасадом — просто мужик, который любит тишину, книги и не умеет красиво говорить о чувствах. И они уходят. Всегда уходят.

Он замолчал на секунду, потом добавил тише:

— Последняя ушла три месяца назад. Сказала, что я «эмоционально недоступен». Собрала вещи, пока я был в командировке, и оставила ключи на тумбочке. Даже записки не написала. Я приехал в пустую квартиру, где пахло её духами и больше ничем.

Анна подняла на него взгляд. В его темных глазах она увидела не боль — скорее, усталую иронию человека, привыкшего к ударам судьбы. Он не страдал. Он адаптировался. И, возможно, именно это качество сейчас было ей нужно больше всего — не сочувствие, а пример того, как можно продолжать жить, когда внутри пустота.

— Почему ты пригласил меня? — спросила она хрипло. — Ты же меня почти не знаешь.

Дима пожал плечами:

— Ты стояла над разбитой бутылкой с таким лицом, будто это твоя жизнь разбилась, а не вино. И в пакете у тебя лежал секатор. Я не знаю, зачем он тебе, и, честно говоря, не уверен, что хочу знать. Но я подумал: либо ты сейчас пойдешь домой и сделаешь какую-нибудь глупость, либо пойдешь ко мне и просто выговоришься. Я эгоист. Мне не хочется потом читать в новостях про «трагедию в доме номер пятнадцать».

Он улыбнулся, и на этот раз улыбка была теплой, почти нежной.

— Останешься? Можем просто молчать. Или посмотреть какой-нибудь дурацкий фильм. Или я могу сыграть тебе на гитаре что-нибудь депрессивное, у меня весь репертуар такой.

Анна смотрела на него, чувствуя, как алкоголь разливается по венам, притупляя острую боль в груди. Она не чувствовала к Диме влечения. Она вообще сейчас ничего не чувствовала.

Но рядом с ним было... спокойно. Он не пытался её спасти, не пытался залезть в душу. Он просто был. Как старая, удобная мебель. Как тихая гавань в эпицентре шторма.

— Я останусь, — сказала она. — Только не надо играть на гитаре. Лучше просто тишина.

Дима кивнул, словно ожидал именно этого ответа. Он взял пульт, включил на огромном телевизоре какой-то документальный фильм про подводный мир без звука и выключил верхний свет, оставив только мягкую подсветку у пола. Комната погрузилась в полумрак, где единственными яркими пятнами были экран телевизора и огни города за окном.

Анна сидела на барном стуле, допивая второй бокал вина, и смотрела на безмолвных рыб, скользящих сквозь толщу синей воды. Она не знала, что будет завтра. Она не знала, зачем купила секатор. Но сегодня, впервые за восемь дней, она не была одна в четырех стенах своей квартиры-склепа. Рядом дышал человек, который тоже знал, что такое потеря. И это знание, это странное родство по несчастью, давало крошечный, едва заметный проблеск чего-то, похожего на надежду.

Или на отсрочку приговора.

Время в квартире Димы текло иначе. Оно не бежало, не несло галопом, как в офисе или в вечной гонке за вниманием Марка. Оно растеклось густым сиропом по углам комнаты, застывало в бокалах с вином, оседало пылью на клавишах ноутбука, который так и не включили.

Они просидели почти до пяти утра.

Вторая бутылка появилась на столе как-то сама собой — Дима молча поднялся, достал её из холодильника, откупорил и наполнил бокалы, даже не спрашивая. Анна не протестовала. Вино больше не обжигало горло — оно стало теплой, вязкой субстанцией, которая заполняла пустоты внутри, как строительная пена. Не лечило, но хотя бы затыкало дыры.

Большую часть времени они молчали. Это было не то неловкое молчание, когда люди судорожно ищут тему для разговора, боясь показаться скучными. Это было молчание двух незнакомцев, которые внезапно оказались в одной лодке посреди шторма и поняли, что слова сейчас — лишний груз. Иногда Дима переключал каналы на огромном телевизоре, и комната наполнялась мельканием картинок без звука. Подводный мир с косяками серебристых рыб сменился черно-белым французским кино, потом — документалкой про строительство небоскребов в Дубае, потом — бесконечным рядом кулинарных шоу, где улыбчивые люди жарили стейки на идеальных сковородках.

Анна смотрела на экран, но не видела. Её взгляд был обращен внутрь, в ту самую выжженную землю, где еще вчера лежали обугленные руины её жизни. Сейчас там было тихо. Пожарище догорело, и ветер медленно разносил пепел.

Иногда Дима начинал рассказывать что-то — без запроса, без ожидания реакции. Просто заполнял тишину своим низким, с легкой хрипотцой голосом. Он рассказал, как в детстве хотел стать пилотом, но зрение подвело, и он пошел в экономический. Рассказал, как однажды в командировке в Новосибирск попал в метель и просидел трое суток в аэропорту, питаясь дошираком и читая «Сто лет одиночества». Рассказал, что терпеть не может сыр с плесенью, но купил его, потому что «так положено, когда угощаешь девушку вином».

— Я не девушка, — тихо сказала Анна, не поворачивая головы. — Я просто... человек.

— Я знаю, — ответил Дима просто. — Но сыр с плесенью уже куплен. Будешь?

Она покачала головой, и он убрал тарелку в холодильник.

В какой-то момент — Анна не помнила точно, когда именно — он вдруг сказал, глядя в окно на медленно светлеющее небо:

— Знаешь, что самое паршивое в потерях? Не сама потеря. А то, что мир продолжает вертеться. Солнце встает по расписанию, люди идут на работу, кофе в кофейне стоит те же триста рублей. А у тебя внутри — черная дыра, и ты думаешь: как они могут? Как они смеют жить, когда у меня всё рухнуло? А они могут. И будут. И это правильно.

Он замолчал, а потом добавил совсем тихо:

— Когда от меня ушла последняя... Лера... я три дня не выходил из квартиры. А на четвертый понял: если я не выйду сейчас, то не выйду уже никогда. И я пошел в «Пятерочку» за хлебом. Просто за хлебом. И это был самый важный поход в моей жизни. Потому что я доказал себе, что всё еще жив.

Анна повернула голову и посмотрела на него. В синеватом предрассветном сумраке его лицо казалось высеченным из камня — резкие тени под скулами, глубокие глазницы, в которых поблескивали темные зрачки. Он не был красив в классическом смысле. Но в нем была какая-то усталая, мужественная притягательность человека, который прошел через многое и не сломался. Который научился жить с пустотой внутри и даже находить в ней своеобразный комфорт.

— Мне пора, — сказала Анна, поднимаясь с барного стула. Ноги затекли, и она покачнулась, схватившись за край столешницы.

Дима вскочил мгновенно, оказавшись рядом, но не прикоснулся — просто стоял наготове, словно страховал её на случай падения.

— Проводить?

— Нет. Я рядом. Тридцать четвертая квартира, забыл?

— Помню, — он улыбнулся уголком губ. — Просто... ты уверена, что дойдешь?

— Уверена.

Анна прошла в ванную — небольшую, но такую же стильную, как и вся квартира: черный кафель, огромное зеркало с подсветкой, полотенца, сложенные идеальными рулонами. Она плеснула в лицо ледяной водой, не глядя на свое отражение. Сейчас ей не хотелось видеть себя. Она вытерлась бумажным полотенцем, бросила его в корзину и вышла.

В прихожей Дима стоял, прислонившись плечом к стене, и держал в руках её тренч. Он помог ей надеть его — молча, без лишних движений, просто придержал за плечи, пока она продевала руки в рукава.

— Спасибо, — сказала Анна, уже стоя в дверях. Она впервые за ночь посмотрела ему прямо в глаза. — За всё. За вино. За тишину. За то, что не лез с вопросами.

— Обращайся, — он кивнул. — Продукты свои оставь. Заберешь, когда захочешь. Или я принесу. Или... в общем, они никуда не денутся.

— И секатор, — добавила она, сама не зная зачем.

— И секатор, — эхом отозвался Дима, и в его глазах промелькнула искорка понимания, смешанного с чем-то похожим на тревогу. — Он тоже будет ждать.

Дверь за ней закрылась мягко, почти беззвучно. Анна прошла по коридору, отсчитала шаги до своей квартиры, вставила ключ в замок. Руки дрожали — то ли от усталости, то ли от выпитого вина, то ли от странного чувства, что она только что пересекла какую-то невидимую границу.

В квартире было темно и холодно. Она не стала включать свет, на ощупь добралась до кровати, скинула тренч прямо на пол и рухнула лицом в подушку. Подушка пахла её собственными волосами и больше ничем. Запах Марка выветрился окончательно. Это было хорошо. Это было правильно.

Она закрыла глаза и провалилась в сон — глубокий, черный, без сновидений. Сон человека, который наконец перестал бояться завтрашнего дня.

Она проспала двенадцать часов.

Когда Анна открыла глаза, в комнате было светло. По-настоящему светло — осеннее солнце, пробиваясь сквозь грязные жалюзи, рисовало на стене золотистые полосы. Часы на тумбочке показывали 17:42. Она моргнула, не веря своим глазам. Семнадцать сорок две. Она проспала почти сутки, если считать с того момента, как вернулась от Димы.

Первое, что она почувствовала, — легкость. Не счастье, нет. До счастья было как до Луны пешком. Но та свинцовая, удушающая тяжесть, которая давила на грудь все эти восемь дней, куда-то ушла. Она сделала глубокий вдох — и легкие наполнились воздухом без боли. Она пошевелила пальцами ног под одеялом — и тело отозвалось приятной, живой истомой, а не ноющей ломотой.

Анна села на кровати и оглядела комнату. Впервые за долгое время она смотрела на неё не как на склеп, а как на пространство, которое можно изменить. Пыль на полках. Разбросанные вещи. Осколки разбитой рамки, которые она так и не убрала. Пустая кружка с засохшим чаем на подоконнике. Следы жизни, поставленной на паузу.

Она встала, босиком прошла на кухню и открыла холодильник.

Пустота.

Буквально. Внутри горела тусклая лампочка, освещающая две полки, на которых сиротливо лежали: половинка засохшего лимона, банка горчицы с истекшим сроком годности и одинокое яйцо в лотке. Анна смотрела в эту пустоту, и ей вдруг стало... смешно. Она усмехнулась — тихо, почти неслышно, но это была первая искренняя усмешка за девять дней.

До всего этого кошмара её холодильник был произведением искусства. Анна обожала готовить. Это была её отдушина, её медитация, её способ выражать любовь. Она могла часами стоять у плиты, создавая сложные соусы, выпекая домашний хлеб с хрустящей корочкой, маринова мясо в травах, которые сама выращивала на подоконнике. Её холодильник всегда был забит до отказа: свежие овощи в контейнерах, несколько видов сыра, фермерские яйца, зелень в стаканках с водой, домашние заготовки, соусы в красивых баночках. Марк шутил, что у неё «синдром итальянской бабушки». А она просто любила кормить. Любила видеть, как человек ест то, что она приготовила, и закатывает глаза от удовольствия.

Марк никогда не закатывал глаза. Он ел быстро, уткнувшись в телефон, и максимум, что она слышала, — «норм, спасибо».

Теперь холодильник был пуст, как и её жизнь. Но в отличие от жизни, холодильник можно было заполнить за час и пару тысяч рублей. Анна взяла телефон — тот самый, который она не проверяла почти сутки. Никаких пропущенных. Никаких сообщений. Только реклама доставки еды.

Она открыла приложение доставки. Пролистала ленту. Рука сама потянулась к знакомым продуктам: сливочное масло 82%, мука высшего сорта, дрожжи, свежий базилик в горшочке, помидоры черри на ветке, моцарелла в рассоле, оливковое масло первого отжима, чеснок, спагетти, пармезан. Она добавляла товары в корзину, и с каждым нажатием кнопки «+» ей становилось чуть легче дышать. Она не просто заказывала еду. Она заказывала возвращение к жизни. К той Анне, которая умела создавать красоту из простых вещей.

Заказ оформлен. Доставка через 45 минут.

Она приняла душ — долгий, горячий, смывающий остатки вчерашнего вина и липкого страха. Вымыла голову, чувствуя, как вода стекает по позвоночнику, унося с собой напряжение. Вытерлась насухо, надела чистую футболку и мягкие домашние штаны. Расчесала волосы, и они легли влажными волнами по плечам, пахнущие кокосовым бальзамом.

Глядя в зеркало, она впервые за долгое время не отвела взгляд. Да, лицо все еще было осунувшимся. Скулы все еще выпирали слишком остро. Синяки под глазами еще не сошли до конца. Но в серых глазах больше не было того пустого, стеклянного выражения утопленницы. Там зажглось что-то новое — слабое, мерцающее, но живое. Любопытство. Интерес к тому, что будет дальше.

Она думала о будущем. Не о далеком, туманном, а о самом ближайшем. О завтрашнем дне. О том, что нужно обновить резюме. О том, что Сорокин — действительно мудака, и увольнение от него — не потеря, а освобождение. О том, что Марк... Марк был не любовью всей её жизни, а болезнью. И она, кажется, начала выздоравливать.

Она думала о том, что жизнь за эту неделю изменилась настолько сильно, что старая Анна осталась где-то там, на мокром гравии у дома Карины, в луже разбитого вина, в кабинете Сорокина. А новая Анна... она пока не знала, какая она. Но ей было интересно узнать.

Звонок в дверь.

Она вздрогнула от неожиданности — слишком быстро, курьеры обычно приезжали через час, не раньше. Но, может, повезло. Анна спокойно, даже с легким предвкушением, прошла в прихожую, щелкнула замком и открыла дверь.

На пороге стоял не курьер.

На пороге стоял Дима.

В руках он держал бумажный пакет — тот самый, из винного бутика, только теперь в нем лежали не осколки, а аккуратно упакованные продукты: батон хлеба, пачка макарон и... секатор. Оранжевая рукоятка торчала из пакета, словно хищный цветок.

Дима был одет в темно-серое пальто, наброшенное поверх черного свитера с высоким горлом. Волосы, обычно зачесанные назад, сегодня были слегка взъерошены — то ли ветер, то ли он просто не успел привести себя в порядок. На лице играла его фирменная полуулыбка — теплая, с легким оттенком иронии.

— Специальная доставка для мисс «Я-оставлю-продукты-у-соседа-и-забуду-о-них», — произнес он, протягивая пакет. — Ты забыла самое ценное. Хлеб, макароны и... — он покопался в секаторе, — инструмент для обрезки роз. Или врагов. Я так и не решил, что именно ты собралась обрезать.

Анна не сдержала короткого смешка — сухого, но искреннего. Она взяла пакет, и их пальцы на секунду соприкоснулись. Его кожа была теплой, несмотря на осенний холод.

— Спасибо, — сказала она. — Зайдешь?

— Нет, — он покачал головой. — У меня встречное предложение. Ты целый день спала, я проверял — в твоих окнах не горел свет до пяти вечера. Значит, ты выспалась. Вечер сегодня на удивление сухой и даже почти звездный. Я знаю тут недалеко парк — старый, с дубами и прудом. И я подумал: может, прогуляемся? Просто пройтись, подышать воздухом, который не пахнет вином и отчаянием. Никаких обязательств. Никаких разговоров, если не захочешь. Просто... ноги размять.

Он говорил легко, но в его темных глазах читалось что-то еще — осторожная, почти незаметная надежда. Не на романтику, нет. На то, что она скажет «да». Что она выйдет из своей квартиры-раковины в мир. Что она сделает тот самый шаг, о котором он говорил ночью — пойти за хлебом.

Анна посмотрела на пакет в своих руках, потом на Диму, потом в окно, за которым действительно догорал скупой октябрьский закат, окрашивая небо в оттенки розового золота и пепла.

— Дай мне пять минут, — сказала она. — Только переоденусь. И... Дима?

— Да?

— Секатор я купила для роз. У меня на подоконнике когда-то росли розы. Я хочу снова их посадить. Обрезать там... нечего. Пока нечего.

Он улыбнулся — широко, открыто, и в этой улыбке промелькнуло что-то, от чего у Анны на секунду перехватило дыхание. Не влечение. Узнавание. Словно они оба знали, что розы — это не главное.

— Я подожду здесь, — сказал он, отступая на шаг и прислоняясь к стене коридора. — Не спеши.

Она закрыла дверь и на секунду прижалась лбом к прохладному дереву. Сердце билось ровно, спокойно. Впервые за долгое время она не боялась того, что будет дальше.

Она пошла в комнату, достала из шкафа теплый свитер крупной вязки цвета какао, узкие джинсы и ботинки на плоской подошве. Накинула пальто, замотала шею мягким шарфом. Бросила взгляд в зеркало. Отражение больше не пугало. Оно просто было.

Анна взяла ключи, телефон и вышла в коридор, где Дима ждал её, глядя в окно на зажигающиеся огни города. Он обернулся на звук шагов, и в его взгляде промелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Идем? — спросил он.

— Идем, — ответила она.

И они пошли по коридору к лифту — двое почти незнакомых людей, связанных странной, невысказанной общностью потери и тихой надеждой на то, что где-то там, за поворотом, начинается что-то новое. Что-то, ради чего стоило проснуться.

Парк встретил их тишиной и запахом прелой листвы. Той особенной, густой тишиной октября, когда даже ветер, кажется, боится потревожить покой умирающей природы. Деревья стояли, словно огромные скелеты, простирая к темнеющему небу голые, узловатые ветви, с которых еще кое-где свисали последние, скрученные морозом листья цвета запекшейся крови и ржавчины.

Они шли по центральной аллее, вымощенной потрескавшимся асфальтом, вдоль которого через равные промежутки горели старые чугунные фонари. Их свет был теплым, медовым, и он рисовал на мокрой земле длинные, дрожащие тени. Анна и Дима двигались в унисон — не специально, просто так совпал ритм их шагов. Его широкий, уверенный шаг и её более мелкий, но быстрый.

В руках у обоих дымились бумажные стаканчики с кофе. Ларёк на входе в парк выглядел так, словно пережил ядерную зиму: облупившаяся краска, мигающая вывеска «Кофе с собой», уставшая женщина с начесом в окошке. Но кофе оказался на удивление хорош — горький, обжигающий, с едва уловимой ноткой корицы, которую бариста добавила от щедрот души.

— Знаешь, — вдруг сказала Анна, делая глоток и глядя куда-то в глубину парка, где чернел пруд, — я ведь когда-то хотела стать кондитером.

Дима повернул голову, и в его темных глазах промелькнул искренний интерес. Он не стал переспрашивать или удивляться — просто ждал продолжения, и это молчаливое ожидание было дороже любых слов.

— Серьезно, — она усмехнулась, но не горько, а скорее ностальгически. — У меня бабушка пекла потрясающие пироги. С яблоками, с капустой, с вишней... Тесто у неё было такое... воздушное, слоистое. Я часами сидела на кухне и смотрела, как она месит. Она никогда не пользовалась миксером, только руками. Говорила, что тесто чувствует тепло и настроение. Я мечтала открыть свою пекарню. Маленькую, в каком-нибудь старом двореке, с деревянными столами и запахом ванили на всю улицу.

— Почему не открыла? — спросил Дима.

— Родители сказали, что это несерьезно. «Получи нормальную профессию, Аня. Бухгалтер, экономист, юрист. А печь пироги можно на пенсии». — Она пожала плечами. — Я послушалась. Пошла в финансовый. А потом встретила Марка, и... ну, ты знаешь.

Они прошли мимо старой, покосившейся скамейки, на которой кто-то вырезал ножом «Лена + Саша = любовь». Буквы уже заплыли темнотой и мхом.

— А ты? — спросила она вдруг. — Ты ведь тоже не мечтал стать антикризисным менеджером. Пилотом, говоришь, хотел?

Дима хмыкнул, отпил кофе и посмотрел в небо, где между голыми ветвями проглядывали первые, еще робкие звезды.

— Пилотом. Или астрономом. У меня в детстве был телескоп — старенький, «Турист-3», отец подарил. Я летом вытаскивал его на балкон и часами смотрел на Луну. Мог назвать все кратеры на видимой стороне. Море Спокойствия, Море Дождей, Океан Бурь... Красивые назва-

ния, правда? А потом телескоп сломался, отец ушел из семьи, и звезды стали просто точками на небе.

Он замолчал, и в этой паузе не было горечи — только констатация факта, такая же спокойная, как шелест листьев под ногами.

— Но знаешь, что я понял? — продолжил он, сворачивая на боковую дорожку, ведущую к пруду. — Мечты не умирают. Они просто... засыпают. Как медведи в берлоге. И иногда, когда становится совсем тепло и безопасно, они просыпаются. Может, твоя пекарня просто ждала подходящего момента.

Анна ничего не ответила, но что-то в её груди едва заметно шевельнулось — то ли сердце, то ли тот самый спящий медведь её несбывшихся желаний.

Они вышли к пруду. Вода была черной и гладкой, как обсидиан, и в ней, словно в зеркале, отражались огни фонарей и холодные точки звезд. Где-то в камышах кричала невидимая утка. Ветер слегка рябил поверхность, и отражения дрожали, расплывались, словно пытались вырваться из водяного плена.

Дима остановился у кованой ограды и, облокотившись на неё, долго смотрел на воду. Анна встала рядом, почти касаясь плечом его плеча.

— Красиво, — тихо сказала она.

— Ага, — отозвался он. — Я иногда прихожу сюда один. Особенно когда на работе полный... аврал. Смотрю на воду и представляю, что все проблемы — это вот эти листья на поверхности. Их просто уносит течением. Медленно, но уносит.

Он повернулся к ней, и в свете фонаря его лицо показалось ей почти красивым — не той глянцевой, приторной красотой, от которой сводит скулы, а красотой старого дерева, обветренного скалами и солнцем. Живого. Настоящего.

— Спасибо, что пошла со мной, — сказал он просто. — Я уже забыл, каково это — гулять не одному.

— Я тоже, — призналась она.

Они простояли так еще несколько минут, молча, просто дыша одним воздухом, пахнущим водой, кофе и осенью. А потом Дима вдруг выпрямился и кивнул куда-то в сторону дальней аллеи.

— Смотри.

Анна проследила за его взглядом. Впереди, метрах в пятидесяти, медленно брела маленькая, сторбленная фигурка. Старушка в теплом, но явно стареньком пальто, в вязаной шапочке с помпоном, тащила две тяжелые сумки-тележки, которые то и дело застревали в щелях асфальта. Она останавливалась, переводила дух, поправляла сползающий с плеча ремешок и снова шла — упрямо, медленно, но неумолимо.

Дима не раздумывал ни секунды.

— Я сейчас, — бросил он и почти бегом направился к старушке.

Анна, чуть помедлив, пошла следом, не желая мешать, но и не в силах остаться в стороне.

— Бабушка, давайте помогу! — услышала она его голос — теплый, открытый, без тени фальшивого подобострастия.

Старушка подняла на него глаза — выцветшие, водянисто-голубые, окруженные сеточкой глубоких морщин. Её лицо, похожее на печеное яблоко, осветилось удивленной, почти детской улыбкой.

— Ой, сынок, да я сама... Тяжело, конечно, старая стала. Далеко идти-то, до самого конца парка, в старый дом за остановкой.

— Вот и отлично, нам как раз по пути, — соврал Дима, подхватывая обе тележки с такой легкостью, словно они были пустыми. — Меня Димой зовут, а это Анна. Мы тут гуляем, воздухом дышим. А вас как величать?

— Нина Петровна я, — старушка засеменила рядом, благодарно поглядывая на неожиданного помощника. — Картошечку вот купила, молочка, хлебушка. Пенсия маленькая, а в супермаркете у дома цены конские. Приходится через весь парк тащиться, на рынок.

Анна шла чуть позади, наблюдая за этой сценой. Дима что-то спрашивал у Нины Петровны — про её здоровье, про то, не холодно ли ей, — и делал это так естественно, словно всю жизнь только и занимался тем, что помогал старушкам с сумками. В его голосе не было ни капли снисходительности, только искреннее участие. И Анна вдруг поймала себя на мысли, что смотрит на его широкую спину, обтянутую темным пальто, на то, как напрягаются мышцы под тканью, когда он поднимает тележки на бордюр, и чувствует что-то, чему пока не могла дать названия. Это не было влечением в привычном, физиологическом смысле. Это было... уважение. И тихая, осторожная благодарность миру за то, что такие люди существуют.

Они проводили Нину Петровну до самого подъезда старой пятиэтажки на окраине парка. Старушка долго благодарила, пыталась сунуть Диме мятую сотку «на чай», но он только рассмеялся, мягко отвел её руку и сказал:

— Вы лучше, Нина Петровна, испеките пирожков в следующий раз. И если мы встретимся, угостите. Договорились?

— Договорились, сынок, договорились, — закивала она, и в её выпуклых глазах блеснули слезы — не горя, а той редкой, щемящей радости, когда незнакомый человек вдруг оказывается человечнее родных.

Дверь подъезда закрылась. Дима повернулся к Анне, и на его лице играла та самая открытая улыбка, от которой у неё в прошлый раз перехватило дыхание.

— Ну что, миссия выполнена. Домой?

— Домой, — кивнула она.

Обратная дорога через парк была короче — или им так показалось. Они шли молча, но это молчание было наполненным, уютным, словно они знали друг друга не несколько часов, а целую жизнь. Анна думала о бабушке Нине Петровне, о пирожках, о том, как странно устроен мир: ты можешь годами жить рядом с человеком и не знать, кто он на самом деле, а можешь за один вечер увидеть больше, чем за годы.

У подъезда они остановились. Дима кашлянул, словно хотел что-то сказать, но Анна опередила его:

— Ты голодный?

Он моргнул, явно не ожидая такого вопроса.

— Ну... Вообще-то да. Кофе — не еда.

— Тогда слушай, — она набрала в грудь побольше воздуха, словно перед прыжком в воду. — У меня дома бардак. Серьезно. Я не убиралась... всю эту неделю. Но я заказала продукты, и там есть всё, чтобы приготовить нормальный ужин. Паста с томатным соусом и базиликом. Или... что-нибудь еще. Я умею готовить, честно. Просто... предупреждаю сразу: там не очень прибрано.

Дима улыбнулся — широко, лукаво, и в его темных глазах заплясали искорки, отраженные от фонаря над подъездом.

— Знаешь, Анна, я заметил одну закономерность. Когда девушка говорит: «У меня дома не прибрано», — это обычно означает, что она три часа драила полы зубной щеткой и расставляла цветы по вазам. А когда парень говорит: «У меня дома порядок», — там реально бардак.

Она не сдержала смешка — короткого, но искреннего.

— Я серьезно. Там пыль. И осколки рамки на полу. И... ладно, сам увидишь.

— Согласен, — сказал он просто. — Только давай я зайду к себе на пять минут, переоденусь во что-то более уютное, чем пальто и ботинки? А ты пока... ну, сделай вид, что прибиралась.

— Договорились.

Ужин.

Через пятнадцать минут Дима стоял на пороге её квартиры с бутылкой белого вина в руке. Он переоделся в мягкие серые джоггеры и простую белую футболку, поверх которой накинул толстовку на молнии. Домашний, расслабленный, с все еще влажными после умывания волосами, он выглядел так, словно был здесь сотни раз.

Анна впустила его и на секунду замерла, наблюдая за его реакцией. Дима оглядел прихожую, затем прошел в комнату-студию и остановился, медленно поворачивая голову.

Квартира действительно была не прибрана. На полу у кровати валялся тренч, на журнальном столике — кружка с засохшим чаем и разряженный телефон, на подоконнике — слой пыли, в которой кто-то (она сама) нарисовал пальцем грустный смайлик. В углу, у книжного шкафа, действительно лежали осколки стекла от разбитой рамки — она просто смела их в кучку ногой, но не убрала.

Дима посмотрел на осколки, потом на Анну, и в его взгляде не было ни жалости, ни осуждения. Только понимание.

— Ну, — сказал он, растягивая слова, — ты была права. Это действительно не вылизано. Но знаешь что? Мне нравится. Тут чувствуется жизнь. Трудная, но жизнь.

Он прошел на кухню, где на столешнице уже лежали выгруженные из пакета продукты, и поставил бутылку вина.

— Я могу чем-то помочь? Чеснок почистить? Воду вскипятить? Просто стоять и восхищаться твоими кулинарными талантами?

— Просто сиди и не мешай, — сказала Анна, и в её голосе впервые за долгое время прозвучали командные, почти хозяйские нотки. — И наливай вино.

Она включила плиту, поставила кастрюлю с водой для пасты, щедро посолила. Достала разделочную доску, нож, чеснок. Её движения были точными, выверенными — руками человека, который провел на кухне тысячи часов. Она раздавила зубчики чеснока плоской стороной ножа, сняла шелуху и мелко порубила. На сковороду плеснула оливкового масла, бросила чеснок, и по кухне поплыл тот самый запах — теплый, пряный, обволакивающий, запах дома и безопасности.

Дима сидел на высоком барном стуле с бокалом белого вина и смотрел на неё. Не навязчиво, не поедая глазами, а с тихим, почти зачарованным вниманием. Он видел, как преображается её лицо, когда она сосредоточена на готовке. Уходила бледность, разглаживалась складка между бровей, серые глаза становились теплее, словно в них зажигался внутренний свет. Она добавила в сковороду размятые пальцами помидоры черри, веточку базилика, щепотку сахара и соли, черный перец. Соус зашипел, забулькал, наполняя кухню красками и ароматами лета, посреди холодного октября.

— Где ты этому научилась? — спросил он тихо, чтобы не нарушить магию процесса.

— Сама, — ответила она, помешивая соус деревянной лопаткой. — Бабушка показала основы, а остальное — практика и YouTube. Готовка — это единственное, что меня по-настоящему успокаивает. Когда я стою у плиты, мир сужается до размеров сковороды. Всё остальное перестает существовать. Нет ни Марка, ни Сорокина, ни пустого холодильника. Есть только я, огонь и еда.

Она бросила спагетти в кипящую воду, и они медленно, словно живые, начали погружаться в пузырящуюся глубину. Через восемь минут она слила воду, оставив немного крахмалистой жидкости, и переложила пасту прямо в сковороду с соусом. Перемешала, дала пропитаться, добавила тертого пармезана и еще немного свежего базилика.

— Готово, — объявила она, раскладывая пасту по двум глубоким тарелкам. — Садись за стол. Настоящий стол, не барная стойка.

Они пересели за небольшой обеденный стол у окна. Анна зажгла свечу, которая нашлась в ящике среди старых салфеток — единственный островок уюта в её запущенной квартире. Дима разлил остатки вина по бокалам.

Первый укус он сделал молча. Прожевал. Остановился. Посмотрел на вилку с намотанными спагетти так, словно видел пасту впервые в жизни. Потом поднял глаза на Анну, и в них читалось такое искреннее, почти детское изумление, что она почувствовала, как к щекам приливает краска.

— Анна, — сказал он медленно, — это... это лучшая паста, которую я ел в своей жизни. Клянусь. Я был в Италии дважды. В Риме, во Флоренции. Там было вкусно. Но это... это другое. Это с душой.

Она не нашлась что ответить, просто пожала плечами и уткнулась в свою тарелку, чтобы скрыть смущенную улыбку.

Они ели молча, но это молчание было другим — сытым, довольным, наполненным тихим звоном вилок о керамику и треском свечи. За окном окончательно стемнело, и город за стеклом превратился в россыпь золотых и рубиновых огней. Где-то далеко проехала машина скорой помощи, и её вой растворился в ночи, не нарушив их маленького кокона.

— Знаешь, о чем я подумал? — сказал вдруг Дима, отодвигая пустую тарелку. — Ты говорила, что мечтала о пекарне. А что, если начать с малого? Не пекарня сразу, а... частные ужины. Как этот. Люди платят бешеные деньги за то, чтобы прийти к кому-то домой и поесть настоящей, душевной еды. Я знаю, это звучит странно, но я в своей работе вижу кучу людей, которые устали от ресторанов. Им нужно тепло. Им нужен дом. А у тебя это получается.

Анна подняла на него глаза. В них читалось сомнение, но где-то глубоко-глубоко, на самом дне, уже загорался крошечный огонек.

— Я подумаю, — сказала она. — Но не сегодня. Сегодня я просто хочу... вот так. Сидеть, смотреть на огни и знать, что завтра будет новый день. И в нем не будет Марка.

— И не будет Сорокина, — добавил Дима, поднимая бокал.

— И не будет Сорокина, — эхом отозвалась она, и их бокалы встретились с тихим, хрустальным звоном.

Они просидели так до глубокой ночи, разговаривая обо всем и ни о чем. О книгах, которые читали в детстве, о фильмах, которые заставляли плакать, о странах, в которых мечтали побывать. Дима рассказывал о своей работе — о том, как вытаскивал из долговой ямы мебельную фабрику и чуть не поседел за месяц. Анна — о том, как однажды испекла торт на день рождения подруги и перепутала соль с сахаром. Они смеялись. По-настоящему, до слез, до боли в животе. И этот смех был лучшим лекарством, лучше любого вина и любого снотворного.

Когда часы на стене показали половину второго ночи, Дима поднялся.

— Мне пора. Спасибо за ужин. За вечер. За всё.

Он стоял в дверях, уже обутый, в своей толстовке, и смотрел на неё сверху вниз. Его темные глаза были мягкими, теплыми, и в них не было ни намека на пошлость или ожидание.

— Увидимся? — спросил он.

— Увидимся, — ответила она.

Дверь закрылась. Анна прислонилась к ней спиной и медленно сползла вниз, на пол, обхватив колени руками. На её губах все еще блуждала улыбка — усталая, но живая. Она не знала, что будет завтра. Она не знала, куда приведет эта странная дружба с соседом, который спасает тонущий бизнес и носит старушкам сумки. Но впервые за долгое, бесконечно долгое время она не боялась будущего.

Она просто была благодарна настоящему.

Между мирами

Дима уехал ранним утром, когда город еще был окутан сизой, влажной дымкой, а фонари горели в полнакала, словно уставшие за ночь сторожа. Анна не видела, как он уходил — их окна выходили на разные стороны дома, и она узнала о его отъезде из короткого сообщения, пришедшего в семь утра.

«Улетел в Питер. Вернусь через неделю. Холодильник пустой, так что не вздумай вламываться за сыром. Шучу. Береги себя, Анна. Д.»

Она прочитала это сообщение, лежа в постели, и поймала себя на том, что улыбается экрану телефона. Всего несколько слов, а внутри разлилось странное, щекотное тепло — словно глоток горячего чая на пустой желудок. Она не ответила сразу. Просто отложила телефон, перевернулась на спину и долго смотрела в потолок, где теперь, в утреннем свете, тень от ветки казалась не зловещей, а просто... веткой.

Через полчаса она все же написала: «Удачи. Не замерзни, там Нева.»

Ответ пришел почти мгновенно, уже из салона самолета: «Я — скала. Непотопляемый ледокол. Вернусь и проверю, не съела ли ты все макароны.»

Она фыркнула, бросила телефон на подушку и встала. Впереди был день, который нужно было чем-то заполнить. Неделя, которую нужно было прожить. И она решила: начнет с главного. С поиска работы.

Резюме и первые шаги

Анна включила старенький ноутбук, который жалобно загудел вентилятором, словно обиженный старый кот. Экран загорелся, и она уставилась на рабочий стол, заваленный ярлыками отчетов и таблиц, которые больше не имели значения. Она удалила всё, связанное с «Меридианом», без сожаления — просто выделила папку и нажала Delete, даже не заглянув внутрь. Туда ей дорога была закрыта.

Затем открыла файл с резюме. Фотография — та самая, сделанная два года назад, где она еще улыбалась мягко и незащитно. Светлые пряди убраны за уши, глаза смотрят доверчиво, губы чуть тронуты помадой. Она долго вглядывалась в это лицо, пытаясь найти в нем себя нынешнюю. Нет, это была другая женщина. Но менять фото она не стала — пусть работодатели видят ту, кем она была до падения. Может, это даст ей шанс.

Она обновила раздел «Опыт работы», перечислив свои достижения в цифрах и фактах, стараясь звучать уверенно. Пальцы бегали по клавиатуре, выстукивая сухие формулировки: «ведение бюджета», «оптимизация расходов», «подготовка отчетности». Слова, которые раньше были ее хлебом, теперь казались безвкусной жвачкой. Но других она не знала.

Рассылка заняла час. Пятнадцать откликов на вакансии финансового аналитика, экономиста, помощника бухгалтера. Она выбирала компании наугад, не вчитываясь в названия — главное, чтобы зарплата позволяла платить за квартиру и наполнять холодильник. Потом закрыла ноутбук и уставилась в стену. Тишина в квартире давила, но уже не так болезненно, как неделю назад. Она стала привыкать к одиночеству. Или, может быть, одиночество перестало быть абсолютным — где-то в другом городе сейчас шел по трапу самолета человек, который думал о ней. По крайней мере, она надеялась на это.

Первое собеседование. ООО «КонсалтПрофи»

Офис находился в сером здании на окраине, в промзоне, где ветер носил обрывки полиэтилена и запах жженой резины. Анна шла по разбитому тротуару, кутаясь в пальто, и чувствовала, как осенняя слякоть чавкает под подошвами ботинок. Она надела строгую черную юбку-карандаш, белую блузку и туфли-лодочки на низком каблучке — классика, в которой она чувствовала себя невидимкой. Волосы собрала в тугий пучок, нанесла минимум макияжа: тон, тушь, бесцветный бальзам на губы. Ей хотелось выглядеть профессионально, но не вызыва-

юще. Хотелось, чтобы ее воспринимали всерьез, а не как сломленную девочку, которая неделю не выходила из дома.

Внутри здание пахло сыростью и дешевым кофе из автомата. Охраны не было — только турникет и равнодушная вахтерша, которая махнула рукой, даже не подняв глаз. Анна поднялась на третий этаж по лестнице с облупившимися ступенями и оказалась в узком коридоре, где у двери с табличкой «Отдел кадров» уже сидели две девушки с такими же папками в руках. Одна нервно теребила сережку, другая беззвучно шевелила губами, повторяя ответы.

Анну пригласили через двадцать минут. Кабинет был маленьким, захламленным папками, с желтыми пластиковыми жалюзи, сквозь которые сочился скудный свет. За столом сидела женщина лет пятидесяти, полная, с крашеными в рыжий цвет волосами, уложенными в высокую башню, и острыми, оценивающими глазами. Ее звали Раиса Аркадьевна. Она даже не предложила сесть, лишь кивнула на стул напротив и сразу взяла быка за рога.

— Анна... Викторовна? — она подняла бровь, глядя в резюме. — Уволена по собственному желанию из «Меридиана»? Причина?

— Сокращение штата, — соврала Анна, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она готовила эту ложь заранее.

— Понятно, — Раиса Аркадьевна хмыкнула, явно не поверив. — А почему у вас перерыв в неделю? На бирже не стояли?

— Решала личные вопросы.

— Личные вопросы, — повторила женщина с нажимом, и в ее голосе прозвучала сталь. — Здесь, Анна Викторовна, не богадельня. У нас работают люди, которые не решают личные вопросы в рабочее время. У нас план, отчетность, ненормированный день. Вы готовы задерживаться до девяти вечера без дополнительной оплаты?

Анна замешкалась. Раньше она согласилась бы, не думая — лишь бы получить работу, лишь бы быть удобной. Но сейчас что-то внутри слабо, но протестовало.

— Я готова работать эффективно в рамках оговоренного графика, — ответила она осторожно. — Переработки возможны в исключительных случаях.

Раиса Аркадьевна скривила губы, словно съела лимон.

— Понятно. Спасибо, мы вам перезвоним.

Анна знала этот код. «Перезвоним» означало «никогда». Она вышла из кабинета с прямой спиной, но внутри все сжалось. Первое поражение. Она шла по коридору, и ей казалось, что стены смыкаются, а запах сырости становится удушливым. На улице она остановилась, глубоко вдохнула холодный воздух и полезла в телефон. Рука сама потянулась к иконке соцсетей. Палец завис над профилем Марка.

Она смотрела на его аватарку — он в солнцезащитных очках, на фоне какого-то бара, улыбается своей хищной улыбкой. Новых фото не было. Последнее — все то же, с Ксюшей, «моя офигенная детка». Анна вдруг поймала себя на том, что смотрит на это без дрожи в коленях. Просто констатирует факт: да, это он. Да, она его знала. Нет, он больше не делает ей больно. Странно, но боль действительно притупилась, словно ее присыпало пеплом новых событий. Она закрыла страницу и убрала телефон в карман. Частота проверок его профиля сократилась с «каждый час» до «пару раз в день». Это была маленькая, но победа.

Вместо мыслей о Марке в голову лезли мысли о Диме. Как он там, в своем Питере? Ходит по набережным, мерзнет на ветру? Ест ли нормальную еду или перебивается фастфудом? Она вспомнила его улыбку, когда он ел ее пасту. Вспомнила, как он помогал бабушке Нине Петровне, не задумываясь. Вспомнила его темные глаза с морщинками-лучиками в уголках. И ей вдруг захотелось написать ему что-то неважное, просто чтобы услышать ответ.

«Как Питер?» — набрала она и отправила, пока не передумала.

Ответ пришел через десять минут: «Мокрый, серый и прекрасный. Сажу в переговорке, спорю с местными акулами бизнеса. Они думают, что я злой кризис-менеджер, а я просто хочу спать. Как твои поиски?»

Она улыбнулась и написала: «Первое собеседование — провал. Кажется, я недостаточно готова бесплатно жить на работе.»

«И правильно. Ты не раб. Ищи дальше, где ценят людей, а не функции. У тебя талант, помнишь? Паста!»

Паста. Он помнил. От этого стало тепло.

Второе собеседование. АО «ФинансГрупп»

На следующий день Анна отправилась в центр города, в высокую стеклянную башню, где располагался головной офис крупной финансовой компании. Здесь все было иначе: мраморные полы, пахнущие дорогим освежителем, приветливая девушка на ресепшене с идеальным маникюром, панорамные лифты, из которых открывался вид на городскую панораму. Анна чувствовала себя здесь чужой — слишком бледная, слишком худая, слишком «потрепанная жизнью» среди этих глянцевого, уверенных людей.

Собеседование проводил мужчина лет тридцати пяти, подтянутый, в дорогом костюме, с аккуратно подстриженной бородой и холодными голубыми глазами. Он представился Артемом Сергеевичем, руководителем отдела. Его рукопожатие было сухим и коротким.

— Анна, я изучил ваше резюме. Опыт хороший, рекомендации... ну, допустим, мы их проверим, — он говорил быстро, словно сэкономил время. — Но меня смущает перерыв. Неделя — это не критично, но вы ушли из «Меридиана» без отработки. Почему?

Анна решила быть почти честной.

— У меня случилась личная трагедия. Разрыв отношений, который выбил из колеи. Я взяла паузу, чтобы прийти в себя. Сейчас я полностью готова работать.

Артем Сергеевич откинулся в кресле, постукивая пальцами по столу.

— Понимаю. У всех бывает. Но у нас жесткий ритм. Мне нужен человек, который не сорвется в следующий раз, когда случится очередная «трагедия». Вы уверены, что справитесь?

В его голосе не было сочувствия — только деловой расчет. Анна сжала зубы.

— Уверена. Я профессионал.

Он кивнул, но как-то неубедительно.

— Хорошо. Тестовое задание пришлем на почту. Справитесь за два дня — обсудим дальше.

Она вышла из офиса с ощущением, что прошла фейс-контроль, но ее пропустили только в предбанник. Не отвергли, но и не приняли. Нужно было доказывать, что она чего-то стоит. Раньше это ее злило, сейчас — утомляло. Но она решила: сделает тестовое, просто чтобы не останавливаться. А параллельно подумает о словах Димы про частные ужины. Может, и правда...

Вечером, сидя дома с ноутбуком, она выполняла тестовое задание — строила финансовую модель в Excel, сверяя цифры, и краем глаза поглядывала на телефон. Дима прислал фото: серое небо над Невой, разводные мосты в тумане. «Красиво, но холодно. Скучаю по твоей пасте.»

Она замерла. Скучает. По пасте. Или по ней? Анна отогнала эту мысль, но сердце все равно забилося быстрее. Она ответила: «Вернешься — будет паста. Или что-нибудь посложнее. Ты заслужил.»

«Договорились. Кстати, как собеседования?»

Она рассказала про второй этап, про тестовое. Он подбодрил: «Ты умная, справишься. Но помни: работа — это не вся жизнь. Иногда лучше делать то, что любишь, даже если страшно.»

«Делать то, что любишь». Она закрыла ноутбук и долго смотрела в окно, где за стеклом моросил дождь. Что она любит? Готовить. Кормить. Видеть, как люди закатывают глаза от

вкуса. Может, хватит быть удобной для чужих корпораций? Может, пора стать удобной для себя?

Третье собеседование. ИП «Вкусные истории»

На третий день она нашла странную вакансию. «Помощник кондитера в частную пекарню-кондитерскую. Опыт не обязателен, главное — желание учиться и любовь к выпечке». Зарплата была смешной — втрое меньше, чем она получала в «Меридиане». Но что-то заставило ее откликнуться. Может, отчаяние, а может, тихий голос внутри, который она так долго затаптывала.

Пекарня находилась в старом районе, в цокольном этаже жилого дома, но внутри было уютно: деревянные полки с баночками специй, мешки с мукой, большая печь, от которой пахло хлебом и корицей. Анну встретила хозяйка — женщина лет сорока, полная, румяная, с добрыми глазами и руками, покрытыми мукой. Ее звали Татьяна.

— Садись, Анечка, — сказала она, пододвигая табурет. — Чаю хочешь? У меня с облепихой, сама делала.

Анна опешила. На нее никогда не смотрели так... по-человечески. Она кивнула, и через минуту перед ней стояла большая кружка с ароматным чаем и кусок еще теплого пирога с яблоками.

— Рассказывай, — Татьяна села напротив, подперев щеку рукой. — Почему финансист вдруг в пекарню захотел?

И Анна рассказала. Не про Марка и увольнение — про бабушку, про мечту, про то, как готовка спасает ее от самой себя. Татьяна слушала, кивая, и в ее глазах светилось понимание.

— Знаешь, Ань, у меня тут не бизнес, а скорее образ жизни. Денег больших не обещаю, но научу всему, что умею. А там, глядишь, и сама встанешь на ноги. Если захочешь — выходи завтра на пробный день.

Анна вышла из пекарни в каком-то тумане. Ей предложили работу, о которой она мечтала в детстве. Смешную, несерьезную, но... ее. Она не дала ответа сразу, сказала, что подумает. Но в душе уже знала: тестовое задание для «ФинансГрупп» она, конечно, отправит, но сердце ее осталось в той маленькой пекарне, пропахшей корицей.

Мысли о Марке и Диме

Дни тянулись медленно, но в этой медлительности появился ритм. Утром — душ, кофе, просмотр вакансий, короткая прогулка в парке (одна, без Димы, но теперь она замечала те же фонари, ту же скамейку и улыбалась воспоминаниям). Потом — тестовое задание, которое она делала на автомате, уже не вкладывая душу. Потом — готовка. Она начала снова печь: простой кекс, творожную запеканку, овсяное печенье. Кухня наполнялась запахами, а холодильник — едой. Она кормила себя, и это было актом заботы, которого она была лишена так долго.

Страница Марка в соцсетях открывалась теперь раз в день, а то и реже. Однажды она поймала себя на том, что пролистнула его фото, даже не всмотревшись. Он стал частью фона, как старая афиша на столбе. А вот чат с Димой она проверяла постоянно. Их переписка стала ежедневным ритуалом. Он присылал фото питерских дворов-колодцев, смешные истории про местных бизнесменов, жаловался на гостиничную еду. Она отправляла ему фото своих кулинарных экспериментов и короткие голосовые сообщения, где смеялась над своими провалами (кекс, который не поднялся, печенье, которое превратилось в уголь).

На четвертый день его командировки они созвонились по видео.

Анна долго смотрела на экран, где высвечивалось «Дима звонит...», и сердце колотилось где-то в горле. Она нажала «Принять» и увидела его лицо — чуть осунувшееся, с тенями под глазами, но с той же теплой улыбкой. Он сидел в гостиничном номере: за спиной виднелась незаправленная кровать, на столе — открытый ноутбук и чашка с чем-то, похожим на растворимый кофе. Волосы были взъерошены, на подбородке — легкая щетина. Он выглядел уставшим, но, увидев ее, словно засветился изнутри.

— Привет, соседка, — сказал он, и его голос, чуть искаженный динамиком, все равно обволок ее теплом. — Ты сегодня какая-то... другая. Посветлела, что ли?

— Готовлю много, — ответила она, не зная, куда деть глаза. — И сплю нормально.

— Это хорошо. Очень хорошо. — Он помолчал, разглядывая ее. — Слушай, я тут подумал... Ты не передумала насчет пекарни? Я серьезно, Анн. У тебя талант. Я в командировках столько еды перепробовал — ресторанной, пафосной. Но твоя паста... она другая. В ней душа.

Она смущенно улыбнулась и рассказала про Татьяну, про предложение. Дима слушал, не перебивая, и когда она закончила, его глаза заблестели.

— Иди. Обязательно иди. Хотя бы на пробный день. Что ты теряешь? Деньги? Заработаешь. А если понравится — может, это и есть твой путь. Я, когда бизнесы спасаю, всегда говорю: надо пробовать новое, даже если страшно. Иначе застой.

Они проговорили почти час. О Питере, о ее собеседованиях, о том, как трудно менять жизнь. Дима рассказал, что его бывшая Лера тоже когда-то хотела быть дизайнером, но пошла в юристы, потому что «стабильно», и в итоге возненавидела свою жизнь. «Может, поэтому и ушла. Потому что я напоминал ей о той, другой жизни, которую она не выбрала», — задумчиво произнес он.

Анна слушала и думала о том, как много в этом мужчине слоев. Он казался простым и надежным снаружи, но внутри у него была своя боль, свои сожаления. И он не боялся их показывать. Это было... притягательно.

Когда звонок закончился, она еще долго сидела, глядя на погасший экран. Ей не хватало его. Не хватало его присутствия в соседней квартире, его шагов за стеной, его стука в дверь. Она скучала по их молчаливым прогулкам и по тому, как он смотрел на нее, когда думал, что она не видит. В его взгляде не было похоти — было что-то более глубокое, бережное. Словно он боялся спугнуть.

На пятый день она сходила на пробный день к Татьяне. Надела фартук, встала к столу и под руководством хозяйки замесила тесто для круассанов. Руки помнили движения, которым научила бабушка, — мягко, но уверенно, чувствуя текстуру. Татьяна хвалила, и от этой простой похвалы у Анны горели щеки. Вечером она отправила Диме фото: ее руки в муке, а на заднем плане — противень с румяными круассанами. «Кажется, я нашла свое место.»

Ответ пришел быстро: «Я знал. Я в тебя верил.»

«В тебя». Не «в твои способности». В нее. Анна прижала телефон к груди и закрыла глаза.

Последний день командировки

На шестой день Дима написал, что возвращается завтра вечером. «Встретишь? Шучу. Но если серьезно, я бы хотел увидеть тебя. Может, поужинаем вместе? Я приготовлю. Ну, как приготовлю... закажу что-нибудь приличное, а ты сделаешь вид, что это шедевр.»

Она рассмеялась в голос, читая это сообщение в пустой квартире. Смех прозвучал неожиданно громко, и она сама удивилась этому звуку. Она ответила: «Договорились. Но готовить буду я. Ты заслужил домашнюю еду после гостиничной отравы.»

«Идет. Тогда до завтра, Анна.»

«До завтра, Дима.»

Она отложила телефон и подошла к окну. За стеклом темнело, зажигались огни, и где-то там, в нескольких сотнях километров, собирал чемодан человек, который за одну неделю стал для нее важнее, чем Марк за два года. Она все еще не знала, что это — дружба, благодарность или что-то большее. Но впервые за долгое время ей было интересно узнать.

А страница Марка в соцсетях так и осталась непроверенной в этот день. Анна просто забыла о ней. И это было самым верным признаком того, что она начала жить заново.

День его возвращения начался для Анны с непривычного, почти забытого чувства — волнения. Не того липкого, тошнотворного волнения, которое охватывало ее перед важными совещаниями у Сорокина или когда Марк задерживался допоздна, не отвечая на звонки. Это было

другое — легкое, щекотное, словно пузырьки шампанского под кожей. Она проснулась раньше будильника, приняла душ особенно тщательно, растерла кожу скрабом до легкого румянца, вымыла голову и долго стояла перед открытым шкафом, перебирая вещи.

Что надеть? Не слишком нарядное, чтобы не выглядело так, будто она ждала свидания. Но и не домашнее, растянутое, в котором она хоронила себя прошлую неделю. В итоге выбрала мягкое платье из темно-зеленого трикотажа — простое, с длинным рукавом и круглым вырезом, которое красиво облегалось ее похудевшую фигуру, но не выглядело вызывающе. Волосы оставила распущенными — они высохли естественно, легли мягкими волнами, и в них еще чувствовался кокосовый запах бальзама. Легкий макияж: тон, чтобы скрыть остатки теней под глазами, тушь и капля блеска на губы. Она смотрела в зеркало и видела женщину, которую почти забыла — ту, что умела быть красивой не для кого-то, а просто потому, что ей этого хотелось.

В течение дня она дважды перемывала полы на кухне и трижды переставляла вазу с засохшими ветками, которую в итоге выбросила, решив, что это дурной знак. За пару часов до его приезда она начала готовить. Не пасту — что-то более сложное, более личное. Она решила сделать рагу из говядины в красном вине — то самое блюдо, которое готовила бабушка по воскресеньям, когда вся семья собиралась за большим столом. Мясо томилось в духовке три часа, пропитываясь ароматами тимьяна, розмарина и чеснока, и к вечеру квартира наполнилась таким густым, домашним запахом, что у Анны защемило сердце. Это был запах детства, безопасности, любви. Всего того, чего она была лишена последние годы.

В семь часов вечера в дверь позвонили. Она вытерла руки о полотенце, поправила волосы и пошла открывать, чувствуя, как сердце бьется где-то у самого горла.

На пороге стоял Дима. В руках у него был букет — не роскошных алых роз, а скромный, но очаровательный букет из белых хризантем и веточек эвкалипта, перевязанный бечевкой. Он выглядел уставшим, но счастливым. Темные круги под глазами, легкая небритость, которая ему шла, волосы чуть влажные — видимо, успел принять душ с дороги. Одет он был просто: темные джинсы, серый свитер крупной вязки, который делал его плечи еще шире. Но в этой простоте было что-то очень правильное, очень... его.

— Привет, соседка, — сказал он, и его улыбка осветила весь лестничный пролет. — Я скучал.

Она не успела ответить — он протянул ей букет, и их пальцы соприкоснулись. Его кожа была теплой, чуть шершавой, и от этого мимолетного касания по руке Анны пробежала дрожь, которую она постаралась скрыть.

— Привет, — ответила она, принимая цветы и вдыхая их свежий, горьковато-сладкий аромат. — Проходи. Ты, наверное, голодный.

— Как волк, — признался он, входя в прихожую и снимая ботинки. — Гостиничная еда — это преступление против человечества. Я мечтал о твоей стряпне всю неделю.

Она провела его на кухню, где на плите тихо булькало рагу, а на столе уже стояли две тарелки, бокалы и открытая бутылка красного вина — та самая, которую он принес в прошлый раз. Дима остановился на пороге кухни и глубоко вдохнул, прикрыв глаза.

— Боже, Анна... Что это? Я чувствую чеснок, травы и что-то еще... волшебное.

— Бабушкино рагу, — сказала она, чувствуя, как щеки заливают румянец. — Садись, сейчас будем есть.

Он сел за стол, а она начала раскладывать еду. Мясо, томленное до состояния, когда оно распадается от прикосновения вилки, в густом, темно-рубиновом соусе, с нежным картофельным пюре, в которое она добавила сливочного масла и мускатного ореха. Рядом — свежий хлеб, который она испекла утром, с хрустящей корочкой и мягким, пористым мякишем.

Первый укус Дима сделал молча. Потом второй. Потом отложил вилку и посмотрел на нее так, словно увидел впервые.

— Анна, — его голос был серьезным, без тени привычной иронии. — Это не еда. Это... искусство. Я не шучу. Ты должна этим заниматься. Люди должны это пробовать.

Она засмеялась, смущенно отмахиваясь, но в груди разливалось тепло. Они ели и разговаривали — о его командировке, о Питере, о ее пробном дне в пекарне. Дима рассказывал, как спас от банкротства небольшую логистическую компанию, уволив половину некомпетентного руководства и внедрив новую систему учета. Говорил он увлеченно, жестикулируя, и Анна ловила себя на том, что слушает не столько содержание, сколько его голос — низкий, обволакивающий, с этими его особыми интонациями.

— Кстати, — вдруг сказал он, отодвигая пустую тарелку и потянувшись к своему рюкзаку, который оставил у двери. — У меня для тебя кое-что есть. Не только цветы.

Он достал ноутбук, открыл его и повернул экраном к Анне. На экране был сайт. Светлый, чистый, с красивыми фотографиями еды и элегантным шрифтом. В шапке было написано: «Анна. Домашняя еда с душой».

Анна замерла, не в силах отвести взгляд. Это был не просто макет — это был почти готовый сайт, с разделами «Меню», «Обо мне», «Доставка», «Отзывы». В разделе «Обо мне» стояла ее фотография — та самая, которую она однажды выложила в соцсети, где она стоит на кухне в фартуке и улыбается. Фотография, о которой она забыла.

— Дима... — прошептала она, не зная, что сказать. — Это... ты сделал это?

— Ну, не я лично, — он смущенно почесал затылок. — У меня есть знакомый веб-дизайнер, он мне должен был услугу. Я попросил его сделать концепт. Конечно, это черновик, можно все поменять. Но идея такая: ты готовишь домашнюю еду на заказ. Люди выбирают из меню, делают заказ на сайте, а ты готовишь и отправляешь доставкой. Или сама отвозишь, если захочешь. Никаких офисов, никаких начальников. Только ты, твоя кухня и люди, которые будут счастливы есть то, что ты готовишь.

Она смотрела на экран, и в глазах у нее защипало. Не от горя — от переполнявшего чувства, которому она не могла дать названия. Благодарность? Нежность? Надежда? За одну неделю этот человек, который еще месяц назад был просто соседом за стеной, сделал для нее больше, чем Марк за два года. Марк никогда не спрашивал о ее мечтах. Марк никогда не верил в нее. А Дима... Дима не просто верил. Он действовал.

— Это... потрясающе, — выдохнула она, наконец. — Но я не знаю... Справлюсь ли я? Это же бизнес. А я даже с работой не могла справиться.

— Справишься, — твердо сказал он. — Ты справилась с тем, что тебя растоптали, встала и пошла дальше. Бизнес по сравнению с этим — ерунда. Я помогу. У меня опыт в этом дерьме. С документами, налогами, поставками — я все возьму на себя на первое время. А ты будешь делать то, что у тебя получается лучше всего. Кормить людей.

Он говорил так уверенно, так спокойно, что ее сомнения начали таять. Она перевела взгляд с экрана на него. Он сидел напротив, облокотившись на стол, и смотрел на нее с такой теплотой, что у нее перехватило дыхание.

— Почему ты это делаешь? — спросила она тихо. — Для меня?

Дима помолчал, опустив глаза на свои руки. Потом поднял взгляд и ответил просто:

— Потому что я вижу тебя. Настоящую. Не ту, которую сломали, а ту, которая выжила. И я хочу, чтобы у тебя все получилось. Это не благотворительность, Анн. Это... инвестиция. В человека, который мне небезразличен.

Слова повисли в воздухе, тяжелые и важные. Она не нашлась, что ответить, просто кивнула, чувствуя, как в горле встает ком. Они допили вино, и Дима помог ей убрать со стола. Двигались они слаженно, словно делали это сотни раз — он мыл тарелки, она вытирала и ставила на полку. В кухне играла музыка из небольшой колонки — Дима включил какой-то плейлист с джазом, и низкий, бархатный голос саксофона наполнял комнату уютом.

Когда с посудой было покончено, и они вернулись в гостиную с остатками вина в бокалах, Дима вдруг остановился посреди комнаты и протянул ей руку.

— Потанцуй со мной.

Анна замерла. Музыка сменилась — теперь играла медленная, тягучая мелодия, что-то из старого блюза. Она посмотрела на его протянутую ладонь, потом на его лицо — открытое, без тени насмешки.

— Я не умею танцевать, — пробормотала она, но руку все же подала.

— Я тоже, — улыбнулся он, притягивая ее ближе. — Будем учиться вместе.

Они начали двигаться неуклюже, наступая друг другу на ноги, и это было так нелепо, что Анна не выдержала и рассмеялась. Дима подхватил ее смех, и через минуту они уже просто кружились по комнате, хохоча, как дети, не попадая в ритм. Его руки лежали на ее талии, ее ладони — на его плечах. Он был таким теплым, таким настоящим, что ей хотелось замереть в этом моменте навсегда.

— Ты ужасный танцор, — сказала она, все еще смеясь.

— Зато ты прекрасна, когда смеешься, — ответил он, и его голос вдруг стал серьезным.

Смех затих. Музыка сменилась — теперь это была действительно медленная композиция, что-то с фортепиано и низким женским вокалом. Их движения замедлились, подстроились под ритм. Дима притянул ее чуть ближе, и она почувствовала, как его сердце бьется под тонкой тканью свитера — сильно, быстро, в унисон с ее собственным. Ее щека оказалась почти прижатой к его плечу, и она вдохнула его запах — сандал, кофе и что-то еще, неуловимо мужское, родное.

Они двигались медленно, почти невесомо, и мир за окном перестал существовать. Был только этот полумрак комнаты, золотистый свет от свечи, которую она зажгла для уюта, и его руки на ее спине — теплые, большие, надежные. Она подняла голову, чтобы что-то сказать, но слова застряли в горле, потому что он смотрел на нее. Не так, как смотрел Марк — с голодом, с собственничеством. Дима смотрел на нее с вопросом. С нежностью. С ожиданием.

Его лицо было совсем близко. Она видела каждую морщинку в уголках его глаз, каждую щетинку на подбородке, каждую золотистую искорку в темной радужке. Его губы были приоткрыты, и она почувствовала его дыхание — теплое, с легким привкусом вина.

Он не сделал первого шага. Он ждал. И в этой паузе, наполненной биением двух сердец, Анна вдруг поняла, что хочет этого. Хочет поцеловать его. Хочет почувствовать, каковы на вкус его губы, его нежность, его забота. Она приподнялась на цыпочки и коснулась его губ своими.

Поцелуй был мягким, почти невесомым, как прикосновение крыла бабочки. Но в этом легком касании было столько всего — вся ее благодарность, вся ее боль, вся ее надежда. Его губы были теплыми и чуть шершавыми, и они ответили ей с осторожной, трепетной нежностью, словно он боялся спугнуть. Его руки на ее спине напряглись, притягивая ее ближе, но все еще оставляя пространство для отступления.

Это длилось всего несколько секунд, но Анне показалось, что прошла вечность. А потом реальность обрушилась на нее ледяной волной.

Что она делает?

Она резко отстранилась, отступила на шаг, едва не споткнувшись о край ковра. Ее глаза расширились, дыхание сбилось. Перед мысленным взором пронеслись картины: Марк в ванной, его равнодушное лицо, его слова «пошла отсюда». Ксюша с ее наглой ухмылкой. Семь дней в аду. Осколки рамки. Пустой холодильник.

Она не могла снова. Не сейчас. Не так быстро. Ее сердце только начало заживать, а она уже готова была снова открыть его, подставить под удар. А что, если Дима окажется таким же? Что, если она снова ошибется? Что, если она просто цепляется за первого, кто проявил к ней доброту, потому что боится остаться одна?

— Это случайность, — выпалила она, и ее голос прозвучал хрипло, сдавленно. — Это... это вино. Я не... Я не хотела.

Дима стоял неподвижно, опустив руки. Его лицо было спокойным, но в глазах промелькнула тень — не обиды, а понимания. Он не двинулся к ней, не попытался удержать.

— Анна, — начал он мягко, но она перебила его, замотав головой.

— Пожалуйста, уходи. Просто... уходи. Мне нужно подумать. Мне нужно... побыть одной.

Она не смотрела на него. Смотрела в пол, на свои босые ноги, на узор ковра, на что угодно, лишь бы не видеть выражение его лица. Молчание длилось целую вечность. Потом она услышала его шаги — он прошел в прихожую, надел ботинки, взял куртку. Дверь открылась и закрылась с тихим, почти извиняющимся щелчком.

Анна осталась одна в тишине, нарушаемой только музыкой, которая все еще играла из колонки — теперь что-то грустное, с протяжными скрипичными нотами. Она медленно опустилась на диван, обхватила себя руками и уставилась в темноту за окном. Губы все еще горели от его поцелуя. Вкус вина и чего-то еще — чего-то, что она боялась назвать.

Она не плакала. Просто сидела и думала о том, что, возможно, только что совершила самую большую ошибку в своей жизни. Или самую правильную вещь. Она не знала. И это незнание разрывало ее изнутри.

Где-то за стеной, в тридцать пятой квартире, Дима сидел на краю кровати, глядя в одну точку, и крутил в пальцах телефон, не решаясь написать. Он понимал. Он все понимал. И от этого было только больнее.

Сообщение

Она сидела на диване, обхватив колени руками, и смотрела в темноту. Музыка давно стихла — колонка разрядилась, и последние аккорды оборвались на полуслове, оставив после себя звенящую, ватную тишину. Только холодильник гудел на кухне, да изредка за стеной слышались чьи-то приглушенные шаги. Там, в тридцать пятой, тоже, наверное, не спали.

Анна пыталась разложить по полочкам то, что произошло. Поцелуй. Его губы. Его руки, которые держали ее так бережно, словно она была сделана из тончайшего фарфора. И ее собственное предательское сердце, которое ответило на этот поцелуй раньше, чем разум успел включить сирену тревоги.

Страх и радость сплелись внутри в тугую, пульсирующий клубок. Страх был старым знакомым — он поселился в ней в ту ночь, когда она стояла над лужей разбитого вина и смотрела на секатор в пакете. Страх снова поверить, открыться, подставить шею под нож. Страх, что любая нежность — это ловушка, а любой мужчина рано или поздно скажет «пошла отсюда» и даже не обернется.

Но радость... Радость была новой. Непривычной. Она пульсировала где-то под ребрами, горячая и легкая, как первый глоток воздуха после долгого погружения. Радость от того, что кто-то увидел ее — не сломленную, не удобную, а настоящую. Радость от того, что кто-то верил в нее настолько, что создал сайт, даже не спрашивая согласия. Радость от того, что этот кто-то был рядом — за стеной, в нескольких метрах, и его сердце, возможно, билось так же быстро, как ее.

Она вспоминала его лицо, когда она сказала «уйди». В его глазах не было обиды или злости — только понимание, от которого становилось еще больнее. Он не стал спорить, не стал давить. Просто ушел. Как она просила. И это уважение к ее границам, это спокойное принятие ее «нет» делало его еще более... опасным. Потому что так не поступают те, кто хочет использовать. Так поступают те, кому действительно не все равно.

Анна встала с дивана и подошла к окну. За стеклом мерцали огни ночного города, и где-то там, в отражении, она увидела свое лицо — бледное, с припухшими губами, с глазами, в которых плескалась целая вселенная невысказанных слов. Она смотрела на себя и пыталась понять: кто эта женщина? Та, что неделю лежала в позе эмбриона и не могла есть? Или та, что сегодня танцевала босиком на ковре и смеялась, забыв обо всем?

Она взяла телефон. Экран загорелся, высветив время — 23:47. Чат с Димой был открыт. Последнее сообщение — ее вчерашнее «До завтра, Дима». Она нажала на строку ввода, и пальцы зависли над клавиатурой. Что написать? «Прости»? «Забудь»? «Приходи обратно»?

Она не знала. Слова казались слишком маленькими, слишком плоскими, чтобы вместить все, что она чувствовала. Но и молчать было невыносимо. Потому что он ждал. Он наверняка сидел там, в своей идеально чистой квартире, и смотрел на телефон, не решаясь написать первым, чтобы не нарушить ее просьбу.

Анна набрала два слова. Самых простых, самых безопасных. Тех, которые говорят на ночь люди, которым не все равно, живы ли те, с кем они прощаются.

«Спокойной ночи.»

Она нажала «отправить» и тут же отбросила телефон на подушку, словно он обжигал пальцы. Сердце колотилось. Она ждала. Секунда. Десять. Тридцать. Телефон молчал. Экран погас. Она заставила себя не проверять, прочитано ли сообщение. Просто легла, укрылась одеялом с головой и закрыла глаза, приказывая себе уснуть.

Сон пришел не сразу. Он крался осторожно, как зверь, обнюхивающий незнакомое место. И когда наконец накрыл ее своей темной, бархатной волной, Анна уже не думала ни о Марке,

ни о страхе, ни о завтрашнем дне. Она просто спала, и в ее сне не было кошмаров — только тихая, спокойная гладь ночного пруда, в которой отражались звезды.

Утро ворвалось в комнату нахально, золотыми лучами, пробившимися сквозь неплотно задернутые шторы. Анна открыла глаза и первое, что увидела — яркий, почти летний свет, заливающий стену напротив. Она заморгала, не веря. Октябрь в их городе обычно был серым, промозглым, с тяжелым небом цвета мокрого асфальта. Но сегодня, словно по чьему-то небесному заказу, мир за окном сиял.

Она села на кровати и потянулась за телефоном. Первое, что бросилось в глаза — уведомление из чата с Димой. Сообщение прочитано в 23:52. Ответа не было. Анна смотрела на эти две синие галочки, и внутри нее боролись два чувства: разочарование и облегчение. Он прочитал. Он знает, что она думала о нем перед сном. Но он не стал ничего писать, давая ей пространство. Это было... правильно. И от этого почему-то становилось теплее.

Она встала, прошлепала босиком на кухню и включила чайник. Утро требовало ритуала. Кофе в турке — не растворимый, а настоящий, молотый, с кардамоном, как учила бабушка. Овсяная каша с яблоком и корицей — медленные углеводы, чтобы зарядиться энергией. Она ела, глядя в окно, за которым безоблачное небо раскинулось куполом невероятной, пронзительной синевы. Деревья, еще вчера казавшиеся голыми скелетами, сегодня сверкали в лучах солнца, и капли росы на их ветвях переливались, словно россыпь бриллиантов.

Анна вдруг поняла, что хочет выйти. Не по делу, не на собеседование — просто так. Подышать этим воздухом, который, кажется, пах не прелой листвой и бензином, а чем-то свежим, почти весенним, хотя до весны было еще полгода.

Она оделась тщательнее, чем обычно. Достала из шкафа пальто — то самое, черное, свидетельницу всех ее несчастий, — но в последний момент повесила его обратно и взяла другое, светло-серое, из мягкой шерсти, которое почти не носила. Оно казалось слишком нарядным, слишком «не для войны». Но сегодня ей хотелось быть не солдатом, выживающим в окопах, а просто женщиной, гуляющей в парке. Под пальто — тонкий кашемировый свитер цвета кофе с молоком. Джинсы. Ботильоны на низком каблучке. Шарф с неброским узором.

Она встала перед зеркалом в прихожей и долго вглядывалась в свое отражение. Что-то изменилось. Не кардинально — те же серые глаза, те же острые скулы, тот же разрез губ. Но в лице появилась мягкость, которой не было еще вчера. Или, может, это свет так падал — золотой, щедрый, заливающий все вокруг.

Анна взяла косметичку и нарисовалась. Не так, как на собеседования — сухо, функционально, чтобы скрыть следы усталости. Сегодня она красилась для себя. Тон, легкие румяна, тушь, которая делала ресницы длинными и пушистыми. И помада — нежно-розовая, почти прозрачная, но придающая губам живой, сочный оттенок. Она улыбнулась своему отражению — неуверенно, словно пробуя улыбку на вкус. И отражение улыбнулось в ответ.

Парк встретил ее той самой, забытой за серыми буднями магией. Солнце пробивалось сквозь кроны деревьев, рисуя на асфальте кружевные узоры из теней и света. Воздух был прозрачным, хрустальным, и каждый вдох наполнял легкие чем-то, похожим на надежду. Анна шла по центральной аллее, и ей казалось, что она видит этот парк впервые. Не серую декорацию для ее страданий, а живое, дышащее пространство, наполненное жизнью.

Она замечала детали, на которые раньше не обращала внимания. Кора старого дуба, испещренная глубокими трещинами, в которых, наверное, прятались на зиму жуки. Воробьи, купающиеся в луже, оставшейся после вчерашнего дождя, — они смешно топорщили перья и чирикали так громко, словно спорили о чем-то важном. Молодая мама с коляской, которая кормила голубей крошками хлеба, и ее ребенок заливался смехом, хлопая в ладоши.

Детский смех. Анна остановилась, прислушиваясь. Где-то в стороне, за поворотом аллеи, была площадка, и оттуда доносился звонкий, рассыпчатый хохот. Она пошла на звук и увидела карусель — старую, деревянную, с облупившейся краской, но все еще работающую. На ней

кружились дети — мальчик в синей куртке и девочка с огромными белыми бантами. Они держались за поручни и визжали от восторга, а их родители стояли рядом и улыбались.

Анна смотрела на них, и что-то внутри нее медленно, неохотно оттаивало. Она вспомнила, как сама когда-то каталась на такой же карусели — кажется, в детстве, с бабушкой. Бабушка стояла в стороне и махала ей рукой, а она кружилась, и мир сливался в разноцветные полосы, и было совсем не страшно, потому что бабушка ждала.

Теперь бабушки не было. Родителей, по сути, тоже — они жили своей жизнью в другом городе и звонили раз в месяц. Марка не было. Но жизнь продолжалась. И в этой жизни был детский смех, и солнечный свет, и воробьи в луже. И Дима.

Она дошла до того самого места — до старой арки, увитой сухим плющом, где в теплое время года любили фотографироваться влюбленные пары. Сейчас, в октябре, плющ был бурым и ломким, но арка все еще стояла, и в ее центре висело большое овальное зеркало — кто-то повесил его давным-давно, и оно стало местной достопримечательностью. «Зеркало поцелуев» — так его называли. Пары фотографировались в нем, целуясь, и выкладывали снимки в соцсети с хештегом #парквлюбленных.

Анна остановилась перед зеркалом. Она была одна. Но сегодня одиночество не казалось ей проклятием. Сегодня оно было... выбором. Она достала телефон, включила камеру и подняла его, ловя свое отражение. Свет падал идеально — мягко подсвечивал лицо, делал глаза глубже, а улыбку — теплее. Она нажала на спуск.

Снимок получился неожиданно хорошим. Она не позировала — просто смотрела в объектив с легкой полуулыбкой, и в этой полуулыбке читалось что-то новое. Спокойствие. Принятие. Готовность жить дальше.

Она открыла соцсеть и, почти не думая, выложила фото. Подпись не стала писать — просто поставила эмодзи солнца и листика клевера. И нажала «опубликовать».

Первые лайки посыпались через пару минут. Кто-то из старых знакомых, кто-то из бывших коллег. Лена из «Меридиана» написала: «Анечка, ты такая красивая! Очень рада тебя видеть!». Анна улыбнулась и ответила сердечком.

Она уже собиралась убрать телефон в карман и идти дальше, когда экран мигнул новым уведомлением. Личное сообщение. Она открыла его машинально, не глядя на имя отправителя. И замерла.

Марк.

Сердце пропустило удар, потом еще один, а потом забилося где-то в горле, гулко и больно. Она смотрела на экран, и буквы расплывались перед глазами.

«Эй, детка, помнишь, как мы вместе фоткались тут? Ты такая секси. Давай встретимся.»

Она перечитала сообщение трижды. Каждое слово впивалось в кожу, как осколки того самого стекла, которое она так и не вымела до конца из угла комнаты. «Детка». Так он называл Ксюшу. «Секси». Он никогда, никогда не говорил ей этого. «Давай встретимся». Без «прости». Без «я был дураком». Без малейшего намека на раскаяние.

В ее груди взорвался вулкан. Все эмоции, которые она так старательно хоронила последние дни, вырвались наружу одновременно — раскаленной лавой, сжигающей все на своем пути.

Первой была радость. Гаденькая, липкая, стыдная радость от того, что он заметил ее. Что она все еще существует для него. Что она не пустое место. Эта радость была эхом старой зависимости, старой привычки измерять свою ценность его вниманием.

Сразу за ней пришла боль. Острая, как удар ножом под ребра. Боль от воспоминаний: его лицо в зеркале ванной, капли пота на лбу, чужая нога на его бедре. «Ты офигенная детка» — не ей. «Пошла отсюда» — ей. Боль от того, что он посмел написать сейчас, когда она только начала дышать без него.

А потом пришла злость. Чистая, холодная, отрезвляющая. Злость на себя за ту радость, которую она испытала в первую секунду. Злость на него за то, что он считает, будто может вот

так просто, одним сообщением, перечеркнуть все, что она пережила. Злость на мир за то, что он устроен так несправедливо.

И, наконец, пришла грусть. Тихая, как осенний дождь. Грусть по той Анне, которая ждала этого сообщения семь дней и семь ночей. Которая проверяла телефон каждый час. Которая была готова простить все, лишь бы он вернулся. Эта Анна умерла. А новая Анна смотрела на сообщение от Марка и не знала, что чувствовать.

Она подняла глаза от экрана. И мир изменился.

Солнце, только что заливавшее парк золотом, исчезло, словно его выключили рубильником. Небо затянуло тяжелыми, свинцовыми тучами, которые приползли откуда-то с севера, низкие и мрачные. Тени сгустились, краски потускнели, и парк снова стал тем серым лабиринтом, в котором она блуждала все эти дни. Первые капли дождя упали на асфальт — мелкие, но частые, холодные. Они барабанили по сухим листьям, по ее плечам, по экрану телефона, на котором все еще светилось его сообщение.

Анна стояла неподвижно, позволяя дождю мочить ее волосы и пальто. Капли стекали по лицу, смешиваясь с непролитыми слезами. Она смотрела на небо, такое же пасмурное, как в тот день, когда она брела домой от Карины, и думала о том, как странно устроена жизнь. Только все начало налаживаться — появилась работа, появилась мечта, появился человек, который смотрел на нее с теплотой, — и тут же из прошлого высунулась когтистая лапа, пытаясь утащить ее обратно в темноту.

Она вытерла экран рукавом и еще раз посмотрела на сообщение. Палец завис над кнопкой «Ответить». Что написать? «Пошел ты»? «Я скучала»? «Почему сейчас?». Слова теснились в голове, но ни одно не казалось правильным.

Она не стала отвечать. Просто заблокировала экран и убрала телефон в карман пальто. Дождь усиливался, превращаясь из мелкой мороси в полноценный ливень. Анна развернулась и пошла к выходу из парка, не оглядываясь. Ее шаги были быстрыми, но не паническими. Она не бежала. Она просто шла домой.

Мир снова стал серым. Но в этой серости было что-то новое — не безнадежность, а скорее передышка. Словно погода давала ей время подумать, спрятаться, переждать бурю внутри. Она шла, и капли дождя стучали по асфальту, по крышам припаркованных машин, по ее плечам, и этот ритмичный шум успокаивал, заглушал хаос в голове.

У подъезда она остановилась и подняла голову к окнам. В тридцать пятой горел свет. Дима был дома. Анна смотрела на этот желтый прямоугольник, и внутри нее боролись желание подняться к нему, постучать, упасть в его объятия и рассказать все — и страх снова быть отвергнутой. Страх, что ее смятение он примет за слабость. Страх, что она еще не готова.

Она вошла в подъезд, поднялась на свой этаж и открыла дверь квартиры. Внутри было тихо и пахло вчерашним ужином. Она сняла мокрое пальто, повесила его на вешалку и прошла на кухню. Поставила чайник, достала кружку. Движения были механическими, но в них не было той пустоты, что неделю назад. Она просто давала себе время.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Она не переворачивала его. Не проверяла, написал ли Марк еще что-то. Не смотрела, заходил ли Дима в сеть. Она просто сидела, обхватив горячую кружку ладонями, и смотрела, как за окном дождь размывает очертания города.

Сообщение, которое она так ждала и так не хотела видеть, пришло. И оно не принесло ни облегчения, ни счастья. Только новую порцию вопросов, на которые у нее не было ответов. Но впервые в жизни Анна не спешила их искать. Она просто была здесь и сейчас — мокрая, уставшая, но живая. И это уже было немало.

Утро началось с тишины. Той особенной, прозрачной тишины, которая бывает только после ночного дождя, когда мир за окном еще мокрый, притихший, словно умытый и ждущий чего-то нового. Анна открыла глаза и первым делом увидела полоску света, пробивающуюся

сквозь неплотно задернутые шторы. Свет был мягким, рассеянным — небо за ночь очистилось, но солнце еще пряталось за облаками, обещая появиться позже.

Она лежала, раскинувшись на кровати, и чувствовала, как тело наливается странной, непривычной легкостью. Вчерашний дождь, сообщение Марка, буря эмоций — все это отступило, осело где-то на задворках сознания, как мутный осадок в стакане с водой. А на поверхности осталось только одно: ясное, четкое желание услышать голос Димы.

Она потянулась за телефоном. Экран загорелся, высветив время — 9:14. Никаких новых уведомлений, кроме новостной рассылки и рекламы доставки еды. Чат с Марком она вчера предусмотрительно не открывала, оставив его сообщение висеть непрочитанным кошмаром, с которым она разберется позже. Или никогда.

Вместо этого она открыла чат с Димой. Последнее сообщение по-прежнему было ее — «Спокойной ночи», отправленное позавчера. Он прочитал, но не ответил. И теперь Анна понимала, что это молчание было не игнорированием, а подарком. Он дал ей ровно столько времени, сколько ей было нужно, чтобы переварить поцелуй, чтобы разобраться в себе. Он не давил, не требовал объяснений, не исчезал обиженно. Он просто ждал. И это ожидание было самым красноречивым ответом из всех возможных.

Ее пальцы забегали по экрану.

«Доброе утро. Спасибо, что дал мне подумать. И что не беспокоил. Это было... важно для меня.»

Она нажала «отправить» и замерла, глядя на экран. Сердце билось ровно, спокойно. Страх не было. Было только легкое, щекотное предвкушение.

Ответ пришел почти мгновенно — словно он сидел с телефоном в руках, ожидая ее сообщения.

«Доброе утро, Анна. Я рад, что ты написала. И я всегда дам тебе столько времени, сколько нужно. Это не подвиг, это... просто уважение.»

Она улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается по груди.

«Я много думала. О нас. О себе. О том, что случилось. И знаешь... мне стало легче. Я, кажется, готова делать новый шаг. Не бежать сломя голову, но и не стоять на месте.»

«Это самый лучший текст, который я читал за последние... да за всю жизнь, наверное.» — пришел ответ, а следом — смеющийся смайлик. «Тогда, может, встретимся сегодня? Обсудим сайт, бизнес, будущее? Не у меня, не у тебя — на нейтральной территории. Где-нибудь, где кормят хуже, чем ты, чтобы я мог вдоволь поворчать.»

Анна рассмеялась в голос. Этот смех прозвучал в пустой квартире неожиданно громко и свободно, как птица, выпущенная из клетки.

«Договорились. Выбери место. Только не слишком пафосное, я в джинсах.»

«Джинсы — это идеально. Я знаю одно кафе в центре, старое, с кирпичными стенами и плохим кофе. Зато там уютно и никто не мешает. В семь?»

«В семь.»

Она провела день в приятных хлопотах. Приняла долгую ванну с пеной, пахнувшей лавандой, — ту самую, которую не открывала несколько месяцев, потому что «не заслуживала». Вымыла голову, высушила волосы феном, позволив им лечь мягкими волнами. Достала из шкафа те самые джинсы, которые сидели идеально, и тонкий свитер цвета темного меда, делавший ее глаза глубже и теплее. Легкий макияж — ровно столько, чтобы подчеркнуть, а не скрыть.

Она стояла перед зеркалом и смотрела на женщину, которая смотрела в ответ. Эта женщина больше не была жертвой. Она не была сломленной. Она была просто Анной — с шрамами, с сомнениями, но с ясным взглядом и тихой, зарождающейся внутри силой.

Кафе называлось «Старый кирпич» и полностью оправдывало свое название. Оно пряталось в тихом переулке, в цокольном этаже дореволюционного дома, и внутри действительно

пахло временем: старыми книгами, кофе, деревом и едва уловимым ароматом выпечки. Стены были выложены красным кирпичом, кое-где покрытым патиной, на окнах — тяжелые портьеры цвета бордо, на столах — латунные лампы с абажурами, бросающими теплый, янтарный свет.

Дима уже ждал ее за угловым столиком. Он встал, когда она вошла, и его лицо осветилось той самой улыбкой — открытой, немного смущенной, но такой искренней, что у Анны перехватило дыхание. Он был одет в темно-синий свитер, который подчеркивал цвет его глаз, и выглядел... счастливым. По-настоящему счастливым, без тени притворства.

— Ты пришла, — сказал он, и в его голосе прозвучало столько тепла, что она почувствовала, как краснеет.

— Я же обещала.

Он отодвинул для нее стул, и она села, вдыхая запах его парфюма — сандал и что-то еще, теплое, древесное. Официант принес меню, и они погрузились в изучение, хотя оба знали, что еда здесь — не главное.

— Честно говоря, — прошептал Дима, наклонившись к ней через стол, — я тут был один раз и запомнил только, что паста была резиновой. Так что бери что-нибудь безопасное. Омлет, например. Омлет трудно испортить.

— Омлет на ужин? — она приподняла бровь.

— А почему нет? Мы же взрослые люди. Можем есть омлет когда захотим. Это бунт против системы!

Она рассмеялась, и он подхватил ее смех, и на них начали оборачиваться другие посетители, но им было все равно. В их маленьком мирке за угловым столиком существовали только они двое.

Заказ сделали — она взяла пасту (назло его предупреждениям), он — стейк. Пока ждали, Дима достал планшет и открыл обновленную версию сайта. Теперь там были не только разделы, но и примерное меню, рассчитанное на неделю, с фотографиями блюд, которые она ему присылала, и даже черновик бизнес-плана с расчетами себестоимости и маржи.

— Я тут прикинул, — говорил он, водя пальцем по экрану, — стартовые вложения минимальны. У тебя уже есть кухня, посуда, навыки. Нужно только закупить продукты на первые заказы, контейнеры для доставки и, возможно, форму — фартук с логотипом, что-то такое. Я могу помочь с поставщиками — у меня есть выходы на фермерские хозяйства через старые проекты. Мясо, молочка, овощи — все свежее, не магазинное.

Анна слушала, и в ее груди разрасталось теплое, щемящее чувство. Не просто благодарность — что-то большее. Вера. Вера в то, что у нее может получиться. Что она не просто «сложная» и «неудобная», а талантливая и нужная.

Принесли еду. Паста действительно оказалась так себе — переваренная, с водянистым соусом. Дима, попробовав свой стейк, скривился так комично, что Анна прыснула.

— Я же говорил! — простонал он трагическим шепотом. — После твоей еды все остальное — просто... корм. Я теперь обречен. Обречен ходить к тебе на ужин до конца жизни.

Он сказал это легко, смеясь, но слова «до конца жизни» повисли в воздухе, и на секунду их взгляды встретились. В его глазах не было шуток. Только вопрос. И она ответила на него легкой, едва заметной улыбкой.

Они ели, болтали, обсуждали названия для блюд («Паста "Бабушкин секрет"», «Рагу "Нежность"»), спорили о цвете логотипа, и Анна ловила себя на том, что смеется чаще, чем за последние два года вместе взятые. С ним было легко. С ним было безопасно. С ним она могла быть собой — сомневающейся, неуверенной, но живой.

Когда они вышли из кафе, город уже зажег вечерние огни. Воздух был свежим, пах мокрым асфальтом и прелой листвой, но в этой осенней сырости больше не было тоски. Они шли медленно, почти касаясь плечами, и говорили о пустяках — о фильмах, о музыке, о том, что Дима в детстве мечтал завести собаку, но родители не разрешали.

У подъезда они остановились. Лифт сегодня работал, и они поднялись на свой этаж в молчании, которое было наполнено невысказанными словами. Двери лифта открылись, и они вышли в коридор. Ее дверь — тридцать четвертая. Его — тридцать пятая.

— Ну что, — сказал Дима, почесывая затылок, — спасибо за вечер. Завтра споемся, обсудим детали?

— Да, конечно, — она кивнула, чувствуя, как внутри что-то сжимается. Ей не хотелось, чтобы вечер заканчивался. Но она не знала, как это сказать.

Они разошлись. Анна дошла до своей двери, достала ключи, вставила в замок. За спиной послышались его шаги — он тоже подошел к своей двери. Тишина коридора давила на уши.

— Анна, — вдруг позвал он.

Она обернулась. Дима стоял в нескольких шагах от нее, и в тусклом свете лампочки его лицо казалось высеченным из камня — резкие скулы, темные глаза, в которых плясали отблески.

— Что? — прошептала она.

Он не ответил. Просто сделал два быстрых шага, сократив расстояние между ними до нуля, и поцеловал ее.

Этот поцелуй был не таким, как в прошлый раз. Не мягким, не вопрошающим. Он был резким, уверенным, почти отчаянным, словно он больше не мог сдерживать то, что копилось внутри. Его руки легли на ее талию, притягивая ближе, и она почувствовала жар его тела сквозь ткань свитера. Его губы были теплыми, требовательными, но не грубыми — они просили, а не приказывали.

И Анна не сопротивлялась. Она ответила на поцелуй, приподнявшись на цыпочки, запустив пальцы в его волосы, которые оказались мягче, чем она представляла. Она чувствовала его дыхание, его сердцебиение, его дрожь, и понимала, что дрожит сама — не от страха, а от переполняющего ее чувства, которому она наконец позволила вырваться наружу.

Это длилось всего несколько секунд, но этих секунд хватило, чтобы мир перевернулся. Когда они отстранились, оба дышали тяжело, словно пробежали марафон. Его глаза сияли. Ее губы припухли и горели.

— Я... — начал он, но она приложила палец к его губам.

— Не надо слов. Просто... спокойной ночи, Дима.

Он улыбнулся — широко, счастливо, по-мальчишески.

— Спокойной ночи, Анна.

Она открыла дверь и вошла в квартиру, прислонившись спиной к косяку. Ноги были ватными. Она слышала, как за стеной закрылась его дверь, и в наступившей тишине ее губы сами собой растянулись в улыбке. Она коснулась их кончиками пальцев, все еще чувствуя его вкус — кофе, мятная жвачка и что-то еще, неуловимо мужское, родное.

Она прошла в комнату, скинула пальто и взяла телефон, чтобы поставить на зарядку. Экран загорелся, и она увидела уведомления.

Четыре непрочитанных сообщения. От Марка.

Она замерла. Улыбка медленно сползла с лица, уступая место холодной, собранной сосредоточенности. Она открыла чат.

«Красотка, ты че не отвечаешь?» — первое сообщение, отправленное через час после ее молчания.

«Малышка, я же знаю, что ты скучаешь по мне!» — второе, с подмигивающим смайликом.

«Ну же, напиши мне, Анюта!» — третье, уже с ноткой раздражения.

И четвертое: «Я сейчас начну кидать свои фотки, и ты точно ответишь мне ##» — со смеющимся смайликом.

Анна читала эти сообщения, и внутри нее не было бури. Не было радости, не было боли, не было злости. Была только усталость. Глубокая, всеобъемлющая усталость от человека, который считал, что мир вращается вокруг него. Который думал, что она — игрушка, которую можно отбросить, а потом поднять с пола, когда захочется поиграть снова.

Она вспомнила его лицо в ванной. «Пошла отсюда». Вспомнила семь дней в аду. Вспомнила, как он ни разу не позвонил, не спросил, жива ли она. А теперь — «малышка», «красотка», «скучаешь». Слова, которые ничего не стоили. Слова, которые он, наверное, копировал и отправлял десятку других девушек.

Она вспомнила поцелуй Димы — настоящий, теплый, полный уважения и нежности. Вспомнила, как он ждал, не давил, давал ей пространство. Вспомнила сайт, который он сделал, бизнес-план, веру в ее талант.

И выбор стал очевиден.

Ее пальцы коснулись экрана. Она набрала три слова. Всего три. Но в них было все — и прощание с прошлым, и защита своего нового, хрупкого, но такого драгоценного настоящего.

«Отстань от меня!»

Она нажала «отправить» и, не дожидаясь ответа, заблокировала его номер. Потом открыла соцсеть и заблокировала его там. Везде. Окончательно. Без права на возвращение.

Экран погас. Анна положила телефон на тумбочку, выключила свет и легла в кровать. За окном снова начинался дождь — она слышала, как капли барабанят по подоконнику. Но этот звук больше не казался ей зловещим. Он был убаюкивающим, успокаивающим, словно природа смывала последние следы старой жизни.

Она закрыла глаза и впервые за долгое время засыпала без мыслей о Марке. В ее голове были только темные глаза, теплая улыбка и вкус мятной жвачки на губах. И завтрашний д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.